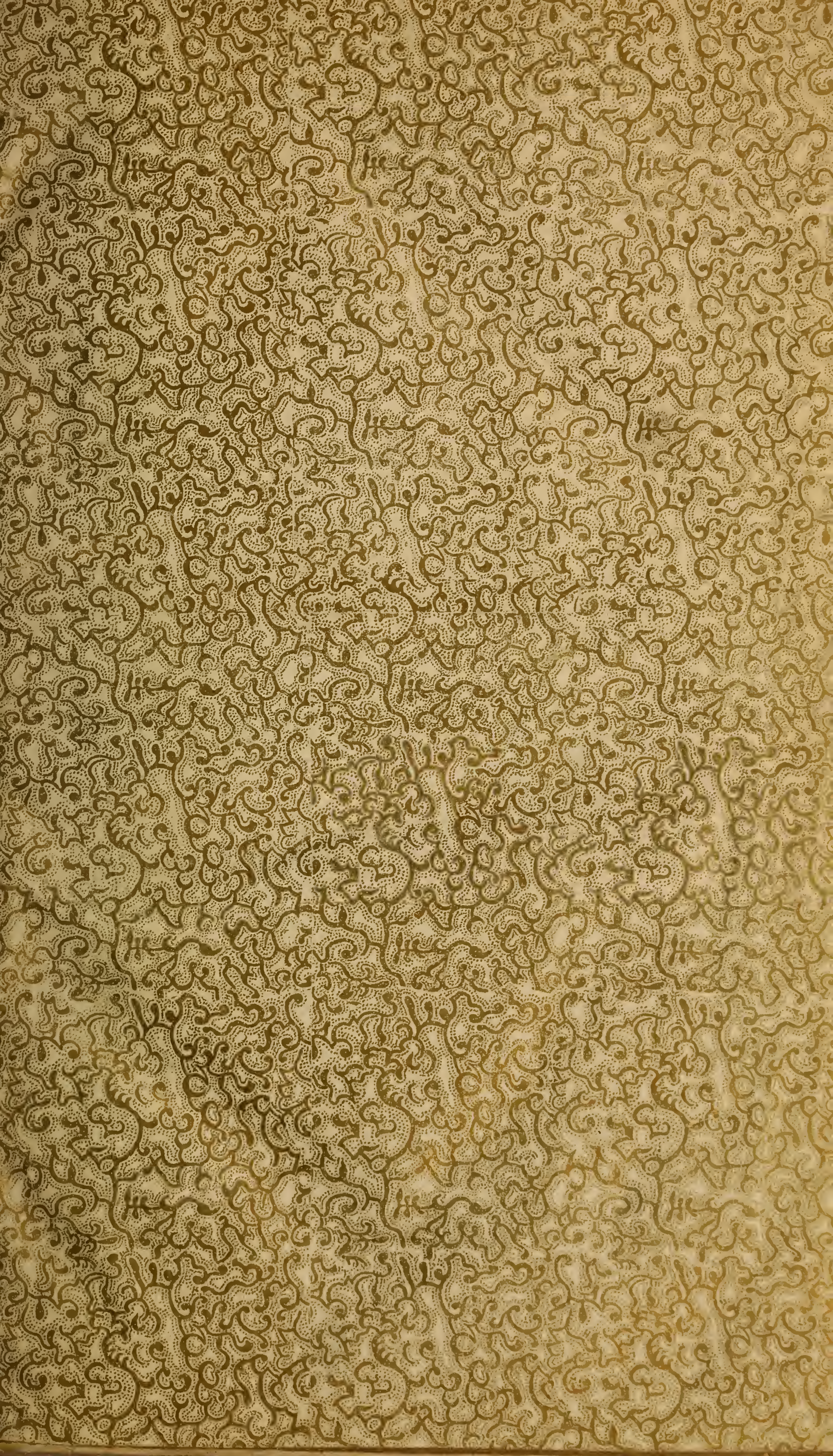
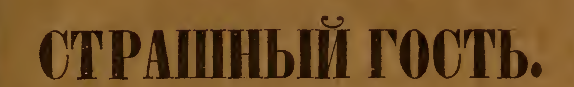

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

СТРАШНЫЙ ГОСТЬ.

ЛИТОВСКАЯ ПОЭМА,

ВЗЯТАЯ ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПОВѢРІЙ.

ВАРШАВА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ СТАНИСЛАВА СТРОМБСКАГО,

на улицѣ Беднарской № 2690.

—оо—

1844.

СТРАШНЫЙ ГОСТЬ.

STRASHYĬ GOSTʹ

СТРАШНЫЙ ГОСТЬ.

ЛИТОВСКАЯ ПОЭМА,

ВЗЯТАЯ ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПОВѢРІЙ.

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь! зачѣмъ ты намъ дана?
И зачѣмъ судьбою тайной
Ты намъ въ казнь обречена!

А. Пушкинъ.

ВАРШАВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ СТАНИСЛАВА СТРОМБСКАГО,
на улицѣ Беднарской № 2690.
-oo-
1844.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено въ Цензурный Комитетъ положенное число экземпляровъ.

Въ Варшавѣ 13/25 Января 1844 года.

Цензоръ *Шилингъ*.

СТРАШНЫЙ ГОСТЬ.

ЛИТОВСКАЯ ПОЭМА.

Жилище Священника. Накрытый столъ. Священникъ и Дѣти. На столѣ двѣ свѣчи. Лампада предъ Образомъ Бого-Матери. На стѣнѣ часы.

СВЯЩЕННИКЪ.

Вставайте, дѣти! день къ концу,
Часъ на колѣни становиться,
И въ небѣ сущему Отцу
За хлѣбъ насущный помолиться;
Сегодня церковь молится за тѣхъ,
Чьи души, взятыя въ день смерти безъ прощенья,
За жизнь преступную, за грѣхъ,
Несутъ чистилища мученья —
За нихъ попросимъ Бога.
(Укладываетъ книги).
Вотъ
Гдѣ мудрость истая хранится!

ДѢТИ.

(Читаютъ).

„Во время оно...“

СВЯЩЕННИКЪ.

Кто стучится?

(входитъ пустынникъ странно одѣтый)

ДѢТИ.

Ахъ, Господи!

СВЯЩЕННИКЪ.

Кто тамъ идетъ!

(Увидѣвъ пустынника, въ замѣшательствѣ).

Кто ты таковъ? Зачѣмъ въ мое жилище?

ДѢТИ.

Мертвецъ, мертвецъ пришелъ съ кладбища!
Во Имя Господа, сгинь страшный вурдалахъ!

СВЯЩЕННИКЪ.

Скажижъ, кто ты: я жду отвѣта!

ПУСТЫННИКЪ.

Мертвецъ, мертвецъ! Такъ, дѣти, такъ!
(Дѣти со страхомъ отъ него удаляются).
Мертвецъ! — о, нѣтъ! я умеръ лишь для свѣта.
Для свѣта лишь пресѣклась жизнь моя:
Понятноль вамъ? — Пустынникъ я.

СВЯЩЕННИКЪ.

Откуда-жъ ты идешь дорогой запоздалой?
Какъ имя? разскажи, пожалуй!
Смотрю — и все сдается мнѣ:
Тебя когда нибудь я въ этой сторонѣ
Видалъ; не здѣшняго-ль ты рода?

ПУСТЫННИКЪ.

Такъ, былъ я здѣсь, давно, давно,
Еще до смерти за три года....
Что въ имяни моемъ? Зачѣмъ тебѣ оно?
По мертвомъ лишь звонятъ... Есть дѣдъ у колокольни?
Допрашивай того, кто свѣтъ некинулъ дольній.
(Представляетъ дѣда),
А спрашивать зачѣмъ? молитву сотвори
И только. — Вотъ и я — мертвецъ для свѣта;
Кчему же спрашивать? Зачѣмъ просить отвѣта?
Молитву сотвори.

Какъ имя? *(смотритъ на часы)* нескажу довремяни того.
Иду — незнаю самъ — изъ аду иль изъ раю
Къ тому же краю.
Ты укажи мнѣ, какъ добраться до него.

СВЯЩЕННИКЪ.

Въ путь смерти посылать недолжно никого,
Мы лишь даемъ заблудшимъ наставленья,
Указывая имъ путь жизни и спасенья.

ПУСТЫННИКЪ. *(печально)*

Иные, мой отецъ, блуждаютъ въ заперти,
Въ своемъ уютномъ, тихомъ домѣ;
Миръ межъ народами, иль тонетъ міръ въ крови,
Гдѣ рушится престолъ, гдѣ гибнутъ отъ любви
Ты ничего незнаешь, кромѣ
Камина, гдѣ сидишь ты, окруженъ семьёй;
А я блуждаю въ тмѣ ночной,
Дрожу при молніи и громѣ....
Благословенна жизнь въ своемъ смиренномъ домѣ!
(поётъ)
Счастливъ, чьего сердца любовь некрушитъ:
Онъ ночью спокоенъ и днемъ негруститъ!

Изъ палатъ въ жилище тѣсное,
Милый другъ, ко мнѣ приди:

У меня цвѣты прелѣстные,
Сердце нѣжное въ груди!
Вьются пташки легкокрылыя,
Серебромъ шумитъ потокъ,
А любовнику и съ милою
Лишь-бы хатки уголокъ.

СВЯЩЕННИКЪ,

Когда такъ нравится тебѣ мой домъ убогой,
Да мой каминъ — тебѣ отказа нѣтъ, —
Погрѣйся, отдохни немного.

ПУСТЫННИКЪ.

Погрѣться? — Кстати! дружескій совѣтъ!
(поётъ, указывая на грудь),
Ты незнаешь, какъ тутъ пышетъ,
Въ дождь и въ холодъ какъ тутъ жжетъ,
Какъ пылаетъ!
Часто, часто снѣгъ и лёдъ
Жму я къ груди: таетъ, таетъ
Снѣгъ и лёдъ,
И отъ жара
Туча пара
Съ жаркихъ персей возстаетъ;
Могъ-бы этотъ жаръ и пламень
Разстопить металлъ и камень, —

Ты незнаешь какъ тутъ жжетъ,
Какъ пылаетъ,
Какъ тутъ пышетъ!... таетъ, таетъ
Снѣгъ и лёдъ
И отъ жара
Туча пара
Съ жаркихъ персей возстаетъ!
Пламень пышетъ!

СВЯЩЕННИКЪ.

Онъ все свое, невидитъ и неслышитъ!
(къ Пустыннику)
Однако-жъ, ты измокъ до нитки на пути,
Озябъ, дрожишь; ктобъ ни-былъ ты, —
Свершилъ ты дальній путь, я полагаю?

ПУСТЫННИКЪ.

Я немогу такъ рано дать отвѣтъ,
Иду, незнаю самъ, изъ аду иль изъ раю
Къ тому-же краю;
Но тѣмъ хочу тебѣ полезный дать совѣтъ.

СВЯЩЕННИКЪ. *(Всторону).*

Принаровлюсь къ нему, быть можетъ, по-немногу.

ПУСТЫННИКЪ.

Въ край смерти, укажи мнѣ лучшую дорогу,

СВЯЩЕННИКЪ.

О! я во всемъ тебѣ усерднѣйшій слуга!
Но съ этихъ лѣтъ тебѣ къ могилѣ тёмной
Еще дорога такъ долга!

ПУСТЫННИКЪ. *(Съ замѣшательствомъ и смущеніемъ всторону).*
И быстро такъ прошелъ я этотъ путь огромной!

СВЯЩЕННИКЪ.

Какъ изнурился ты! Постой, чего-нибудь
Я принесу тебѣ для подкрѣпленья.

ПУСТЫННИКЪ.

А тамъ и въ путь?

СВЯЩЕННИКЪ.

Мы сдѣлаемъ сперва къ пути приготовленья?
Не такъ-ли?

ПУСТЫННИКЪ *(разсѣянно).*

Хорошо.

СВЯЩЕННИКЪ.

Я, дѣти, отлучусь,
Здѣсь гость останется, смотрите,
Займитесь съ нимъ, поговорите
Пока я возвращусь.
(Уходитъ).

ОДИНЪ ИЗЪ СЫНОВЕЙ СВЯЩЕННИКА
(оглядывая Пустынника).

Зачѣмъ вамъ вздумалось такъ страшно нарядиться?
Вѣдь, словно Бука вы, что въ сказскѣ говорится:
Всѣ въ лоскуткахъ, а голова —
На ней какіе-то все листья да трава!
(хватаетъ за кинжалъ, Пустынникъ прячетъ его).
А это что? — Ахъ! дайте эту штуку
Намъ посмотрѣть! Привязана снуркомъ,
Обшита бисеромъ и лентами кругомъ...
Ахъ! какъ похожи вы на Буку!
(Дѣти смѣются).

ПУСТЫННИКЪ *(какъ-бы опомнясь).*

Не смѣйтесь, дѣти, надомной:
Послушайте, когда я былъ моложѣ,

Знавалъ я женщину, убитую судьбой,
Несчастную, какъ я, и отъ того же
Такой вотъ и на мнѣ, какъ и на ней нарядъ:
Трава на головѣ и листья; чуть бывало
Она войдетъ въ село, всѣ выбѣгутъ, кричатъ,
Ругаются надъ нею, какъ попало,
Толкаютъ бѣдную, хохочутъ и шумятъ;
Я только разъ надъ ней, разъ только посмѣялся,
И можетъ быть теперь за то.... какъ знать?
Счастливецъ, могъ-ли я въ то время полагать,
Чтобъ нѣкогда и мнѣ такой нарядъ достался?

(поётъ).

Счастливъ, чьего сердца любовь некрушитъ:
Онъ ночью спокоенъ и днемъ негруститъ!

(Священникъ входитъ съ мискою щей. Пустынникъ съ принужденною веселостію).

Отецъ! ты любишь жалобное пѣнье?

СВЯЩЕННИКЪ.

Его наслушался я въ жизни! Да!
А все надежда есть по долгихъ дняхъ терпѣнья
И радость встрѣтить иногда!

ПУСТЫННИКЪ. *(Поётъ).*

Съ ней водиться неприВольно,
Разставаться съ нею больно...

Что? эта пѣсня какова?
Обыкновенныя слова,
Но мысль, но чувства сердцу близки.

СВЯЩЕННИКЪ.

Поговоримъ потомъ. Теперь присядемъ къ мискѣ.

ПУСТЫННИКЪ.

О! въ этой пѣснѣ много простоты,
Въ другихъ сильнѣе выраженья.
Жизнь Элоизы знаешь ты?
Ты знаешь Вертера мученья?
(Поётъ).

Такъ много страдалъ я, такъ много любилъ,
И, если моею земною любовью
Небесную дѣву, тебя оскорбилъ,
Я смо̀ю обиду преступною кровью.
(вынимаетъ кинжалъ).

СВЯЩЕННИКЪ *(удерживая его).*

Прочь эту сталь! что хочетъ сдѣлать онъ?
Скажи мнѣ, бѣшенный, ты одаренъ-ли властью
Надъ жизнію своей? ты знаешь-ли Законъ
Евангельскій?

ПУСТЫННИКЪ.

А знаешь ты несчастье?...

(Смотря на часы).

Но рано.... не насталъ еще урочный часъ;
До времени рука невольно поднялась.

(вкладываетъ кинжалъ въ ножны и поётъ).

Такъ много страдалъ я, такъ много любилъ,
И, если моею земною любовью
Небесную дѣву, тебя оскорбилъ,
Я смòю обиду преступною кровью!

Зачто же страдалъ я, такъ много любя?
Зачѣмъ тебя встрѣтилъ я въ жизни печальной?
Изъ множества женщинъ я выбралъ тебя —
Избранницу, — перстень сковалъ обручальный.

О! еслибъ Гёте ты созданья изучилъ,
Да слушалъ пѣніе боготворимой дѣвы!...
Но службѣ Божіей себя ты посвятилъ
И слушаешь одни церковные напѣвы!

(разсматриваетъ книги).

Однако же непрочь ты и отъ свѣтскихъ книгъ;
Протекшихъ дней моихъ и адъ и небо въ нихъ...
Мучительные вымыслы! не вы-ли,
Сорвавъ меня съ земли, взнесли надъ горній сводъ,
И такъ высоко вверхъ мнѣ крылья запустили,
Что я не могъ ужъ внизъ направить свой полётъ?
Плѣненный прелѣстью видѣній отдаленныхъ,

Земное все я гордо отвергалъ:
Я избѣгалъ существъ обыкновенныхъ
И милой — неземной — божественной искалъ,
Какую, пѣнясь и пылая,
Творятъ безумныя мечты,
Свое творенье облекая
Во всѣ роскошные цвѣты.
Ненаходя ее на хладной сценѣ свѣта,
Вознесся я высоко отъ земли,
Въ то небо мнимое, которое поэты
На гибель намъ изобрѣли,
И тамъ, въ пучинахъ заблужденья,
Леталъ изъ края въ край, незная утомленья,
И ужъ готовъ былъ пасть измученый гонецъ,
Ужъ къ страшной чашѣ я разврата прикоснулся,
Но, падая, еще разъ оглянулся
И встрѣтилъ дѣву наконецъ...
Нашелъ, и близь себя нашелъ, затѣмъ, чтобъ снова
Ея лишиться и навѣкъ!

СВЯЩЕННИКЪ.

Мнѣ жаль тебя, несчастный человѣкъ!
Ужель надежды нѣтъ? нѣтъ средства никакого?
Скажи, давноль постигъ тебя недугъ?

ПУСТЫННИКЪ.

Недугъ?

СВЯЩЕННИКЪ.

Давно-ли ты сраженъ бѣдой своею?

ПУСТЫННИКЪ.

Давно-ль? я слово далъ и объявить несмѣю;
Пусть кто нибудь другой... здѣсь у меня есть другъ,
Мой спутникъ; тяжкое несчастье
Меня съ товарищемъ свело!... *(оглядывается).*
Ахъ! здѣсь такъ хорошо, тепло
А на дворѣ гроза, ненастье:
Онъ, бѣдный, зябнетъ за дверями;
Всегда товарищь мой со мною терпитъ горе,
Такъ, добрый мой отецъ, ужъ и его прими.

СВЯЩЕННИКЪ.

Для бѣдныхъ дверь моя не на запорѣ.

ПУСТЫННИКЪ.

Постой, его сей-часъ я приведу съ собой. *(уходитъ).*

ОДНО изъ ДѢТЕЙ.

Что это съ нимъ такое?
Все говоритъ и все пустое!
Какой чудакъ!....
(Смѣются).

СВЯЩЕННИКЪ.

Не смѣйся надъ бѣдой!
Тотъ будетъ плакать самъ, надъ плачемъ кто хохочетъ.
Онъ боленъ.

ДѢТИ.

Онъ такой живой.

СВЯЩЕННИКЪ.

Боль тайная ему глубоко сердце точитъ.

ПУСТЫННИКЪ *(входя, тащитъ за собой еловую вѣтвь и говоритъ къ ней)*.

Ну, другъ мой, покажись!

СВЯЩЕННИКЪ *(къ дѣтямъ)*.

Помѣшанъ онъ.

ПУСТЫННИКЪ *(къ ели)*.

Войди, небойся, недичись!

ДѢТИ.

Дубину притащилъ! съ нимъ страшно оставаться!
Онъ не разбойникъ-ли? нестанетъ-ли онъ драться?

ПУСТЫННИКЪ.

Пустынникъ я, въ лѣсу пріятеля нашелъ;
Каковъ онъ?

СВЯЩЕННИКЪ.

Кто?

ПУСТЫННИКЪ *(указывая на ель)*.

Пріятель.

СВЯЩЕННИКЪ.

Этотъ колъ?

ПУСТЫННИКЪ.

Не свѣтскій человѣкъ, смотрите, вотъ стоитъ онъ:
Не ловокъ? — я сказалъ что онъ въ лѣсу воспитанъ;
Вотъ онъ. *(Подноситъ Священнику ель).*

ДѢТИ.

Что дѣлаешь, злодѣй!
Прочь, прочь, отца, разбойникъ, неубей!

ПУСТЫННИКЪ

Такъ, такъ, разбойникъ здѣсь ожесточенный;
Но убиваетъ онъ себя лишь самаго.

СВЯЩЕННИКЪ.

Опомнись! эту ель принесъ ты для чего?

ПУСТЫННИКЪ.

О, голова! о, мужъ ученый!
Ель, говоришь? одумайся, всмотрись!
Ты просвѣщенъ, ты проходилъ науки,
И говоришь что ель, вѣдь это кипарисъ,
Знакъ памяти, сvмволъ разлуки *(беретъ книги)*.
Вотъ книги: прочитай о томъ,
Что дѣлалось въ минувши вѣки!
Два дерева святили Греки:
Счастливый миртовымъ украшенъ былъ вѣнкомъ. *(подумавъ)*
Она мнѣ вѣтвь дала отъ кипариса,
И эта вѣтвь на горестномъ пути
Напоминаетъ мнѣ послѣднѣе „прости";

Я берегу ее и какъ святыню прячу;
Пусть холодна, пусть чувства нѣтъ у ней —
Она дорожѣ мнѣ чувствительныхъ людей:
Ей несмѣшно, когда я плачу;
Вотъ мой послѣдній другъ изъ всѣхъ моихъ друзей;
Ему извѣстно все, что духъ мой безпокоитъ,
Что сердца моего таится въ глубинѣ;
И если хочешь ты развѣдать обо мнѣ,
Спроси пріятеля, онъ все тебѣ откроетъ,
Оставлю васъ на-единѣ. *(къ вѣтви)*
Разсказывай, давно-ль влачусь я въ тяжкой мукѣ?
Я думаю давно. — Я помню, при разлукѣ,
Когда изъ рукъ ея я взялъ
На память стебель кипарисный,
Онъ малъ былъ; я его далеко въ глушь умчалъ,
Въ песочкѣ посадилъ, слезами поливалъ,
И вышелъ стволъ густой, высокій, темнолистный;
Когдажъ, загубленный мучительной тоской,
На небо гнѣвное смотрѣть незахочу я,
По вѣтру локоны зеленые волнуя,
Своею тѣнію онъ гробъ прикроетъ мой.
(съ улыбкою).
Ахъ! кудри у нее вились такіе,
Какъ эта зелѣнь, темные, густые!
Нехочешь-ли? могу тебѣ ихъ показать,
Вотъ здѣсь они....
(Ищетъ и тянетъ отъ груди лѣнту изъ волосъ).
Какъ трудно оторвать!

Завязка нѣжная изъ локона дѣвицы...
Лишь къ сердцу приложилъ, змѣею обвилась,
И, пущѣ рѣзкой власяницы,
Изъѣла грудь и въ тѣло мнѣ впилась,
И глубжѣ входитъ все, пока прерветъ дыханье.—
Мой грѣхъ великъ и тяжко наказанье!—

СВЯЩЕННИКЪ.

Утѣшься, сынъ! пройдутъ страданія часы;
Насъ за грѣхи казнитъ Владыка Правосудный;
Свершай терпѣнья подвигъ трудный:
Богъ тяжесть мукъ твоихъ возложитъ на вѣсы
И облегчитъ тебя въ день судный.

ПУСТЫННИКЪ.

Грѣхи? но гдѣжъ они? какихъ моихъ грѣховъ?
Ужель и за любовь пожретъ насъ ада челюсть?
Но Богъ, когда Онъ создалъ прелѣсть,
Не Самъ-ли создалъ и любовь?
Онъ узами предназначенья
Связалъ намъ души до рожденья,
До дня, въ который ихъ извлекъ
Изъ свѣтлой бездны мощнымъ словомъ,
И, тѣла грѣшнаго покровомъ,
Онъ жизнь, какъ трауромъ облекъ!

Хоть люди, можетъ быть, лишили насъ отрады,
Да узы тѣ порвать рука ихъ несильна:
Неразорвется цѣпь — растянется она!
И пусть возникнутъ всѣ преграды,
Пусть раздѣляютъ насъ пучины, бездны, степь,
Но души наши тажъ соединяетъ цѣпь.

СВЯЩЕННИКЪ.

Гдѣ Богъ связалъ, тамъ нѣтъ разрыва:
Все можетъ кончиться счастливо.

ПУСТЫННИКЪ.

Счастливо? — Развѣ *тамъ?* тогда,
Какъ души вырвутся изъ бренныхъ тѣлъ, непрежде;
А здѣсь все кончено; здѣсь мѣста нѣтъ надеждѣ —
Я съ милою разстался навсегда.
(помолчавъ).
Мнѣ памятенъ разлуки часъ жестокой:
Въ глухую ночь, средь осени глубокой,
Предъ утромъ, какъ уѣхать мнѣ,
Въ саду бродилъ я при лунѣ
И возсылалъ къ Творцу моленья,
Чтобъ Онъ на грудь мою желѣзный щитъ простеръ,
И сердцу мягкому съ рожденья
Далъ твердость выдержать ея послѣдній взоръ;

Я шелъ, куда глядѣли очи.
Я помню, дождь предъ тѣмъ, лишь окропилъ поля,
И вся передо мной въ прозрачной дымкѣ ночи
Была, какъ перлами усыпана земля....
Кругомъ, какъ снѣжнымъ океаномъ,
Долины залиты туманомъ,
Тамъ тучи дымною тянулись пеленой,
Тамъ мѣсяца лучи мерцали
И, совершивъ свой путь ночной,
Въ лазури звѣздной утопали;
Взглянулъ — одна звѣзда сверкаетъ надомной,
Зари предвѣстница; съ-тѣхъ-поръ знакомъ я съ нею,
Съ ней вижусь каждый разъ, съ ней кланяюсь; потомъ
Смотрю на долъ, смотрю кругомъ,
Смотрю сквозь темную аллею:
Тамъ подъ деревьями... *она*,
Въ одеждѣ облаку подобной,
Вся въ бѣломъ. — Вдругъ окрилена,
Какъ легкій вѣтерокъ, въ неслышимомъ стремленьи
Помчалась, неглядитъ, потупила глаза...
Я сбоку посмотрѣлъ — блѣдна, какъ привидѣнье!
Я въ очи заглянулъ — слеза!
Чуть вымолвить я могъ: срокъ вышелъ;
„Прости, я утромъ ѣду въ путь!“
„Прости!“ сказала такъ, что я едва лишь слышалъ,
Такъ тихо!... И потомъ примолвила: „Забудь!“
Забудь! — сказать нетрудно — было!

Какъ? мнѣ забыть? — Нѣтъ, милая моя:
Ты прикажи, чтобъ тѣнь твоя
За тѣломъ слѣдовать забыла,
Скажи ей: пропади, небудь! —
Сказать нетрудно было:
Забудь!
(поётъ).
Что намъ плакать, что терзаться,
Для чего себя губить?
Намъ судьба велитъ разстаться,
Буду вѣкъ тебя... *(прерываетъ пѣніе).*
вспоминать! *(качаетъ головою).*
И только вспоминать!... я утромъ ѣду въ путь!
Сказалъ, взялъ руку, положилъ на грудь...
(поётъ).
Дѣва-прелесть! ангелъ рая!
Крашѣ всѣхъ земныхъ красотъ!
Взоръ твой — лучь златого мая,
Отраженный въ лонѣ водъ!
Милой жаркое лобзанье —
Божій нектаръ, райскій ключь,
Какъ созвучныхъ струнъ дрожанье,
Какъ съ лучемъ сліянный лучь.
Съ грудью грудь, уста съ устами
Сжались, пламень свой дѣля,
Небо въ пламени надъ нами
И кругомъ горитъ земля!

Ты испыталъ такое наслажденье:
Горячихъ устъ къ устамъ прикосновенье?...
Теперь ты старъ, ты охладѣлъ,
Нечувствуешь въ груди сердечнаго призванья,
На кликъ природы глухъ, для чувствъ окаменѣлъ;
А я — я въ небо улетѣлъ,
Когда вкусилъ ея лобзанье!

(поётъ)

Милой жаркое лобзанье —
Божій нектаръ, райскій ключь,
Какъ созвучныхъ струнъ дрожанье,
Какъ съ лучемъ сліянный лучь!...

Схватываетъ одно изъ дѣтей и хочетъ поцаловать; дитя вырывается и убѣгаетъ).

СВЯЩЕННИКЪ *(сыну)*.

Кчему-жъ боишься человѣка
Подобнаго себѣ?

ПУСТЫННИКЪ.

Такъ отъ начала вѣка:
Всѣ отъ несчастнаго уходятъ, какъ отъ зла,
Какъ отъ страшилища. Такъ и она ушла!
„Прости!“ — По улицѣ мелькнула
И вмигъ, какъ молнія во мракѣ потонула!

СВЯЩЕННИКЪ.

Понятенъ мнѣ твой скорбный стонъ;
Но много и тебя несчастнѣе я знаю;
И самъ немало я оплакалъ похоронъ:
Отца и мать свою давно ужъ поминаю,
Мои малютки двѣ въ раю,
И, наконецъ, жену свою
Я схоронилъ, которую такъ много,
Такъ нѣжно я любилъ! — Что жъ дѣлать? воля Бога:
Онъ далъ ее, Онъ взялъ назадъ.

ПУСТЫННИКЪ.

Жену?

СВЯЩЕННИКЪ.

Какъ тяжко мнѣ о томъ воспоминанье!

ПУСТЫННИКЪ.

Вездѣ о женахъ плачь, рыданье,
Куда неоглянись. Но я невиноватъ:
Твоей жены незналъ я. Въ утѣшенье
Могу тебѣ сказать, что умерла она
Еще до смерти....

СВЯЩЕННИКЪ.

Какъ!

ПУСТЫННИКЪ.

Такъ! ежели дѣвицу
Возьмутъ и скажутъ: ты жена,
Все кончено! она сошла въ гробницу
И заживо погребена!
Она должна подъ клятвой отступиться
Отъ матери, отца и брата своего,
И даже отъ всего
И въ чуждый домъ переселиться.

СВЯЩЕННИКЪ.

Печаль мрачитъ твои слова;
Однако-жъ та, о комъ тоскуешь ты, жива?

ПУСТЫННИКЪ *(иронически)*.

Жива? — Создателю хвалу могу воздать я!
Жива, ты думаешь? невѣришь мнѣ? — Но вотъ
Я клятву дать готовъ предъ образомъ Распятья,
Что умерла и вновь неоживетъ.

(помолчавъ).

Есть смерти разныя на свѣтѣ:
Одна смерть общая; такъ сходитъ въ гробъ старикъ,
Такъ умираетъ мужъ, жена его и дѣти,
И много смертныхъ каждый мигъ;
Та дѣвушка, что мнѣ въ долинѣ повстрѣчалась
Такою-жъ смертію скончалась.

(поётъ).

Тамъ, гдѣ бархатъ луговъ посланъ вдоль береговъ,
Есть курганъ на срединѣ долины;
И терновникомъ онъ, какъ вѣнкомъ окруженъ
И обложенъ кустами малины.

Ахъ! больно видѣть, какъ страдая,
Отходитъ прелѣсть въ цвѣтѣ дней,
Взоръ угасающій кидая
На свѣтъ еще столь милый ей!
Взгляни — вотъ на одрѣ недуга,
Блѣдна, какъ утро въ облакахъ:
Тутъ грустный духовникъ въ слезахъ,
Еще печальнѣе прислуга,
Еще стократъ печальнѣй мать,
А всѣхъ печальнѣе любовникъ...
Ужъ взоры стали померкать,
Уста, улыбку потерявъ,
Страданьемъ сжатыя, синѣютъ;
Головку тихо приподнявъ,
Еще на насъ она взглянула,

Лице покрыла синева
И снова тихо голова
Въ подушкѣ смертной утонула!
Оледенѣли руки, грудь
Все рѣжѣ, тишѣ все дышала,
Потомъ хотѣла лишь дохнуть
И нѣтъ... затихла... перестала...
О! какъ порой изъ этихъ глазъ
Струился жизни яркій пламень!
А тутъ... послушай-ка: алмазъ
Какъ жаръ горитъ; но это камень;
Такъ и у ней тогда въ очахъ
Свѣтъ былъ, но безъ души небесной:
Они свѣтились, но какъ прахъ
Гнилаго дерева въ-потьмахъ,
Какъ блещутъ въ зелени древесной
Остатки влаги дождевой,
Когда ихъ зыблетъ вѣтеръ злой!

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Оледенѣли руки, грудь
Все рѣжѣ, тишѣ все дышала
Еще хотѣла разъ дохнуть
И нѣтъ... затихла... перестала!!.

ОДНО изъ ДѢТЕЙ.

Ахъ! умерла? — какъ жаль, нельзя сказать!
Я плакалъ, слушая. Какая-жъ то дѣвица?
Тебѣ знакомая, или сестрица?—
Неплачь: ее мы станемъ поминать
И каждый день о ней молиться.

ПУСТЫННИКЪ.

Ахъ! это, дѣти, смерт одна,
А есть ужаснѣе другая:
Не разомъ губитъ насъ она,
Но длится, тихо умерщвляя
Страдальца въ мукахъ вѣковыхъ;
Она сражаетъ вдругъ двоихъ.
И вотъ и мнѣ и ей такая смерть предстала:
Всѣ радости мои убила навсегда,
А ей не нанесла вреда —
Она живетъ себѣ и ходитъ, какъ бывало,
Поплачетъ можетъ-быть порой;
Въ ней чувство ржавѣетъ, она окаменѣетъ
И станетъ хладною скалой.
Такая смерть надъ нами тяготѣетъ,
Но мучитъ и мертвитъ меня лишь одного,
А ей — ей ничего,—
Здоровье жизнь ея лелѣетъ! —

Такою смертью умерла она...
Кто? — нескажу... О! эта смерть страшна!...
Ужасенъ, дѣти, трупъ съ такими вотъ глазами!
(выворачиваетъ глаза, дѣти отбѣгаютъ).
Однако-жъ, умерла! — Когда, облитъ слезами,
Ломаю руки я, скрыть горя немогу,
Народъ сбѣгается, вытягиваетъ шею,
Кричитъ мнѣ, что я лгу;
Кругомъ, надъ головой моею
Звучатъ насмѣшниковъ слова:
„Взгляни, глупецъ, она жива!"
Священникъ! невнимай съ холодностью безвѣрца
Тому, что говоритъ и повторяетъ свѣтъ,
А вѣрь лишь голосу разстерзаннаго сердца:
„Маріи нѣтъ! Маріи нѣтъ!"
(по нѣкоторомъ размышленіи).
Есть смерть еще въ житейскомъ морѣ,
(О ней писаніе гласитъ),
И горе, человѣку, горе,
Кого смерть вѣчная сразитъ!
Свершится можетъ-быть та смерть и надо мною,
Зане мой грѣхъ великъ передъ Творцомъ!

СВЯЩЕННИКЪ.

Твой грѣхъ, предъ міромъ и тобою,
Страшнѣй грѣховъ предъ Божествомъ;

Не для своихъ лишь слезъ, несчастья и страданья —
Для радости другихъ изъ праха ты возникъ;
Незабывай подъ гнётомъ испытанья,
Какъ малъ, ничтоженъ ты, какъ Божій міръ великъ!
Мысль важная забыть все мѣлкое принудитъ;
Мужъ Божій доброе для дальнихъ лѣтъ творитъ,
Безумецъ лишь себя заранѣе мертвитъ,
И спитъ, пока Господь трубой его разбудитъ.

ПУСТЫННИКЪ. *(Удивленный)*.

Ахъ! это чудеса! кто все тебѣ открылъ?
(всторону),
Онъ вѣрно чародѣй! нѣтъ способа иного!
Ужъ неподслушалъ-ли и помнитъ слово-въ-слово?
(Священнику).
Я слышалъ это все, что ты мнѣ говорилъ,
Я слышалъ отъ нее всѣ эти поученья,
Въ ту ночь прощальную, въ минуту разлученья.
(иронически).
Нашла же время проповѣдь читать! —
Наслушался всего,— чудеснѣйшіе звуки,—
Отечество, друзья и слава и науки;
Но отъ меня, какъ отъ стѣны,
Слова, звучащія такъ стройно,
Всѣ, какъ горохъ отражены —
Я все дремлю себѣ спокойно.

А нѣкогда и я отъ риѳмы трепеталъ...
Въ тріумфѣ Мильціадъ мой сонъ перерывалъ...

(поётъ).

Юность, юность! лётъ орлиный
Прямо къ небу устремляй,
Человѣчества пучины
Взоромъ солнца обнимай!

Ея дыханіе развѣяло мгновенно
Огромныя мечты той жизни вдохновенной,
Осталась только пыль, которую-бы могъ
Поднять на крыльяхъ мотылёкъ
На этомъ-то пескѣ красавица возмнила
Великій памятникъ, вѣкамъ соорудить,
Сама-же въ червяка меня преобразила
И вдругъ велитъ гигантомъ быть
И поднимать плечемъ громаду свѣта....
Нѣтъ! искра смертному дана,
И только разъ, въ младыя лѣта
Воспламеняется она;
Въ ней пламень скрытый долго тихнетъ:
Дохнетъ Минерва — искра вспыхнетъ
И озарятся племена,
Свѣтило мудрости возстанетъ,
Звѣзда Платона заблеститъ...
Коль эту искру оживитъ
Духъ брани — полководецъ воспрянетъ:

Путемъ великихъ, добрыхъ дѣлъ,—
А больше злыхъ, — сотретъ границу —
Земель и царствъ земныхъ предѣлъ, —
Пойдетъ, захватитъ багряницу,
Пастушій посохъ превратитъ
Въ желѣзный скипетръ для вселенной
И троны древніе мгновенно
Движеньемъ ока сокрушитъ.
Когда-жъ ту искру взоръ дѣвицы
Воспламенитъ, тогда она
Сама собой блеститъ одна,
Какъ лампа посреди гробницы,
Лучами свѣта своего
Неозаряя никого.

СВЯЩЕННИКЪ.

Изъ словъ твоихъ я открываю ясно,
Страдалецъ пламенный, что ты не золъ душой,
И что прекрасная, кѣмъ тмится разумъ твой,
Не по одной наружности прекрасна.
Послѣдуй же тому, что слышалъ ты отъ ней:
Ты съ тѣмъ рѣшеніемъ, съ которымъ къ ней стремился,
Злодѣйство бросилъ-бы; влюбясь въ нее, злодѣй,
Путь добрый разлюбивъ, въ путь гибельный пустился!
Сквозь тьму глубокихъ тучь къ звѣздѣ идетъ звѣзда.

Изчезнетъ мгла, онѣ сольются,
Онѣ сольются навсегда,
И вотъ, настанетъ часъ, когда
Земныя цѣпи распадутся:
Вновь души встрѣтятся въ томъ мірѣ, какъ свои
Всевышній имъ проститъ безуміе любви!

ПУСТЫННИКЪ.

Ты знаешь все?
(Подражая голосу Священника),
„Прекрасная собой,
„Прекрасна сердцемъ и душой,
„Сойдемся тамъ, настанетъ часъ..."
Измѣнникъ! ты подслушалъ насъ?
Иль хитростью, или случайно
Ты овладѣлъ сердечной нашей тайной:
Мы, руки возложивъ, одну на кипарисъ,
На грудь другую, поклялись
Молчать и никому ни слова;
О томъ незнали и друзья. —
Я помню, разъ случилось,
Къ ея чертамъ подкралась кисть моя,
Подъ кистью прелѣсть отразилась:
Ея портретъ! въ восторгѣ я
Бѣгу къ друзьямъ, чтобъ показать имъ чудо,
И чтожъ, что дивно мнѣ, для нихъ-едва нехудо.

Имъ прихоть! Вотъ ихъ жизнь! вотъ чѣмъ ихъ дышетъ грудь!
Какъ ихъ слѣпой душѣ въ другую заглянуть?
Они немогутъ сердцу вѣрить
И мыслятъ циркуломъ всѣ Божьи чудеса;
И прелѣсть женскую измѣрить,
Какъ волхвъ, иль астрономъ глядѣть на небеса.—
Таковъ-ли взглядъ любовника — поэта?—
И я, предъ образомъ бездушнаго портрета,
Какъ предъ святынею благоговѣлъ,
И беззащитныхъ устъ поцаловать несмѣлъ.
Сказавъ ему, бывало, „доброй ночи“
Одежды неснииу, пока свѣча горитъ,
Иль мѣсяцъ къ намъ въ окно глядитъ,
Но прежде милой дѣвы очи
И этотъ взоръ, который я
Похитилъ кистью живописной,
Покрою вѣткой кипарисной...
А тутъ... О, жалкіе друзья!
Тотъ, глядя на меня, какъ на потѣху,
Грызъ губы и едва держаться могъ отъ смѣху,
А тотъ, зѣвая и шутя,
Назвалъ меня душенкой слабой,
Плаксивой женщиною, бабой,
Другой примолвилъ: вотъ дитя!

(*Приходя въ помѣшательство*).

О! вѣрно тотъ старикъ всезнающій насъ предалъ!
Онъ все пересказалъ на рынкѣ предъ толпой,
А можетъ быть Священнику... Но тотъ или другой
Всѣ наши тайны исповѣдалъ?—
(Священнику).
Не отъ меня-ли ты искусно все развѣдалъ,
Когда былъ у тебя на исповѣди я?

СВЯЩЕННИКЪ.

О! нѣтъ! ненужны тутъ ни хитрость, ни искуство!
Хоть мудрена печаль твоя,
Но тотъ легко заглядываетъ въ чувства
И смотритъ въ замкнутую грудь,
Кто чувства тайныя знавалъ когда-нибудь.

ПУСТЫННИКЪ.

Такъ иногда день цѣлый бродитъ
Болѣзнь въ сердечной глубинѣ,
А на-ночь въ голову украдкой переходитъ,
И самъ незнаешь, какъ все выскажешь во снѣ!
Однажды — ужъ давно — впервые
Увидясь съ милою Маріей,
Я прихожу домой, легъ спать,
Ни слова ни кому. Вдругъ утромъ мать
Мнѣ говоритъ, качая головою:
„Скажи, что сдѣлалось съ тобою?

„Откуда набожность? всю ночь ты проводилъ
„Въ степеніяхъ, въ молитвѣ и въ напѣвѣ,
„И, кажется, молебенъ все служилъ
Святой Маріи, Чистой Дѣвѣ?“
Я догадался и съ тѣхъ поръ,
Что ночь — я двери на запоръ;
Теперь мнѣ поступать нельзя такъ осторожно:
Нѣтъ дому своего, сплю тамъ, гдѣ только можно,
Куда приду, тамъ и ночлегъ;
Во снѣ я говорю, въ умѣ все такъ тревожно...
Бываетъ бури грозный бѣгъ,
И тучь и вихря, небо вспыхнетъ,
Ударитъ громъ и все затихнетъ
И бури нѣтъ!
Такъ въ мысляхъ у меня тотъ и другой предмѣтъ,
И образъ вслѣдъ за образомъ стремится
И въ цѣлое хотятъ соединиться
И нѣтъ...
Останется одинъ лишь образъ неизмѣнный....
Ложусь я ницъ, взоръ къ праху: онъ опять,
Какъ мѣсяцъ въ озерѣ хрустальномъ отраженный,
Блеститъ, а немогу достать!
Взгляну-ли въ высь,— туда мгновенно
Во слѣдъ за взоромъ образъ тотъ
Взлетаетъ на лазурный сводъ.
Порой орелъ летитъ въ небесномъ океанѣ,

И, агнца несхвативъ, его
Уже на смерть разитъ заране
Стрѣлою взора своего;
Виситъ на облакѣ и рѣетъ,
Ему въ крыло, какъ въ парусъ вѣтеръ вѣетъ,
А онъ паритъ, недвижимъ онъ,
Какъ спутанъ сѣтью роковою,
Иль къ тверди неба пригвожденъ;
Такъ свѣтлый образъ тотъ летаетъ надомною.

(поётъ),

Солнце-ль свѣта въ пучинахъ горитъ,
Или сумракъ ложится ночной,
Я за нею гонюсь, взоръ за нею слѣдитъ,
Хоть при мнѣ, но она несомной!

Когда она передъ очами,
А я брожу въ лѣсу, покрытъ его тѣнями,
Хочу молчать,
И немогу молчанья ненарушить —
По имяни ее порою неназвать;
А тутъ злой человѣкъ и можетъ насъ подслушать!
И вѣрно утреней порой,
Сегодня-же, меня подслушали. Постой,
Я тотчасъ разскажу.... Предъ тѣмъ былъ дождь, лежали
Въ туманѣ, какъ въ снѣгу, долины и поля
И вся была росой унизана земля,
Свершивъ свой путь ночной, ужъ звѣзды исчезали;

Гляжу — одна звѣзда сверкаетъ въ вышинѣ...
Съ тѣхъ поръ она знакома мнѣ,
Зари предвѣстница. Всегда я вижусь съ нею,
Ей кланяюсь, и вдругъ, черезъ аллею...
(опомнясь).
Ха! ха! не то понесъ! нѣтъ, нѣтъ,
Я сбился. То совсѣмъ другое утро было.
Вотъ чтеніе романовъ, какъ вскружило
Мнѣ голову! Проклятый бредъ!
(одумывается и продолжаетъ разсказъ).
Поутру я стеналъ и плакалъ горько,
Шелъ крупный дождь и вѣтеръ вылъ...
(съ усмѣшкою)
Злодѣй меня подслушалъ. Только
Незнаю, слышалъ-ли стенанье онъ мое,
Иль то, какъ я именовалъ ее? —
Кустъ близко былъ...

СВЯЩЕННИКЪ.

Несчастный!
Да кто-жъ тебя подслушать могъ?

ПУСТЫННИКЪ.

Кто? — Это очень ясно:
Тотъ маленькій, блестящій червячёкъ,

Который ползалъ тутъ. Предоброе творенье!
Желая что-нибудь сказать мнѣ въ утѣшенье,
Приползъ и говоритъ:
„Кчему рыдаешь, бѣдный человѣкъ? напрасно!
Отчаяніе — грѣхъ ужасный!
Кто виноватъ, что такъ мила она,
Что ты чувствителенъ? Твоя-ли въ томъ вина?
Взгляни на огонекъ, которымъ я сверкаю:
Пока я тёменъ былъ, я самъ хотѣлъ блестѣть,
Теперь мнѣ отъ него придется умереть:
Откроетъ онъ меня врагамъ моимъ, я знаю!
Отъ этого огня ужъ не одинъ мой братъ
Былъ злою ящерицей взятъ.
Теперь я бросилъ-бы свой гибельный разгаръ,
Но ужъ невсилахъ; этотъ жаръ
Неугасимъ, пока живу на свѣтѣ!“
(помолчавъ и указывая на сердце).
Тутъ жаръ неугасимъ, пока живу на свѣтѣ.

ДѢТИ.

Неужъ-ли это было такъ?
Вотъ чудеса! чеслыханныя рѣчи!
Ну, можно-ли, чтобы червякъ
Сталъ говорить по-человѣчьи?
(Священникъ уходитъ, пожимая плечами).

ПУСТЫННИКЪ.

А почему же нѣтъ? *(Къ одному изъ дѣтей)* нагнись-ко на
сундукъ,
Да приложи ушко.— Ага! ты слышалъ стукъ?
Одна изъ душъ тамъ казнь свою выноситъ,
И бѣдная *объ трехъ молитвахъ* проситъ.

ДИТЯ.

Я слышу, точно такъ,
Какъ маятникъ, такъ-такъ, такъ-такъ!
Кто-жъ это тамъ стучитъ? неужли человѣчикъ?
Такъ-такъ! такъ-такъ!

ПУСТЫННИКЪ.

Теперь онъ червячекъ, кузнечикъ,
А прежде это былъ великій ростовщикъ,
Богачь и дорожилъ полушкой....
Вотъ я сей-часъ его спрошу:
(наклонясь къ сундуку).
Чего ты хочешь, душка?
(перемѣнивъ голосъ).
„*Объ трехъ молитвахъ я прошу!*“
Когда-то я знакомъ былъ съ этимъ дѣдомъ:
Онъ близкимъ былъ моимъ сосѣдомъ,
По горло въ золотѣ; вдову и сироту
Съ порога гналъ, ругая нищету;

Его рука имъ недавала
И хлѣба черстваго куска;
Еще при жизни, у мѣшка
Всегда душа его лежала,
На днѣ роднаго сундука.
Теперь по смерти, ужъ пока
Душа его въ аду незаключится,
Она,— вы слышали сей-часъ —
Грызетъ сундукъ, сверлитъ, стучится
И, въ зломъ томленьи, проситъ насъ
Прочесть молитву троекратно
Маріи, Дѣвѣ Благодатной.

(Священникъ входитъ съ стаканомъ воды. Пустынникъ приходитъ въ большое помѣшательство).

А что, вы слышали, какъ воетъ тамъ злой духъ?

СВЯЩЕННИКЪ *(оглядываясь).*

Пригрѣзилось тебѣ: вездѣ все тихо, глухо,
Нѣтъ никакого злого духа.

ПУСТЫННИКЪ.

Какъ, нѣтъ? склони лишь только слухъ.
(къ одному изъ дѣтей).
Поди сюда, дружокъ. Что слышишь?

ДИТЯ.

Разговоры

Я слышу тамъ.

ПУСТЫННИКЪ *(Священнику)*.

Чтожъ ты на это возразишь?

СВЯЩЕННИКЪ.

Ступайте, дѣти, спать, мерещатся вамъ вздоры,
Нѣтъ ничего, кругомъ ночная тишь!

ПУСТЫННИКЪ *(съ усмѣшкою къ дѣтямъ)*.

Дивиться нечему: старикъ, отжившій годы,
Неслышитъ голоса природы.

СВЯЩЕННИКЪ.

Послушай, другъ, облей чело водой,
Умѣрь свой жаръ, Господь съ тобой!

(Пустынникъ беретъ воду и обливаетъ голову, между-тѣмъ часы начинаютъ бить. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ колокольчика Пустынникъ оставляетъ воду и смотритъ мрачно. Слышенъ крикъ пѣтуха. Одна изъ стоящихъ на столѣ свѣчей сама собою гаснетъ).

ПУСТЫННИКЪ.

Вотъ пробилъ десятый часъ,
Время перемчалось,
Пѣтелъ крикнулъ въ первый разъ,
Первый свѣтъ въ глазахъ угасъ,
Два часа осталось!
(дрожитъ).
Какъ холодно! здѣсь дуетъ вѣтръ ночной
Скажи мнѣ, гдѣ я?

СВЯЩЕННИКЪ.

Въ домѣ друга.

ПУСТЫННИКЪ *(жалобно).*

Я думаю, приходъ нежданный мой
Надѣлалъ вамъ испуга;
Вамъ незнакомъ и позднею порой,
Одѣтъ такъ странно, такъ убого
И говорилъ быть-можетъ много...
Неразглашай того, что слышалъ отъ меня.
(Оглядывается и еще большѣ жалобнымъ голосомъ продолжаетъ).
Я — бѣдный путникъ, издалека!
Въ дорогѣ дальней встрѣтилъ я
Крылатаго разбойника. Жестоко

Ограбилъ онъ меня, злодѣй,
Лишилъ всего, что было прежде
Усладой юности моей.

(Обрываетъ съ себя листья и поправляетъ съ печальнымъ видомъ одежду).

Пришлось ходить въ такой одеждѣ.

СВЯЩЕННИКЪ *(который предъ симъ съ удивленіемъ посматривалъ на погасшую свѣчу. Пустыннику).*

Другъ, успокойся. *(Дѣтямъ).* Кто тутъ гаситъ свѣтъ?

ПУСТЫННИКЪ.

Ты думаешь, на каждое явленье
Найти въ природѣ объясненье?
Спроси у разума: пускай онъ дастъ отвѣтъ!
Природа тайнами, какъ люди, обладаетъ;
Нетолько черни лишь глазамъ
Она тѣхъ тайнъ не открываетъ,
Но и учёнѣйшимъ мужамъ.

СВЯЩЕННИКЪ.

Мой сынъ!...

ПУСТЫННИКЪ.

Сынъ?—слово это разомъ,
Подобно молніи, мой озарило разумъ.
(всматривается).
Такъ! узнаю въ чьемъ домѣ я:
Ты мой второй отецъ, здѣсь родина моя!—
Какъ измѣнилось все! какъ выросли малютки!
Ты посѣдѣлъ уже, старикъ!

СВЯЩЕННИКЪ *(въ замѣшательствѣ беретъ свѣчу и вглядывается въ Пустынника).*
Какъ знаешь ты меня?... Ахъ! это быть не можетъ?...

ПУСТЫННИКЪ.

Уставъ.

СВЯЩЕННИКЪ.

Великій Боже!
Мой сынъ, мой прежній ученикъ!

ГУСТАВЪ.

Обнимемся, отецъ! *(обнимаются)* потомъ... и скоро даже
(смотритъ на часы).
Пойду далеко, близокъ часъ!
Потомъ и ты пойдешь тудаже.
Обнимемся-жъ въ послѣдній разъ!

СВЯЩЕННИКЪ

Густавъ! откуда ты? гдѣ былъ ты? я невѣдалъ
Такъ долго о тебѣ! и въ столько лѣтъ
Ты о себѣ извѣстья не далъ,
Какъ-будто и въ живыхъ тебя ужъ нѣтъ;
Ты украшеніемъ моей былъ школы прежде,
И такъ себя сгубить!.. теперь... въ такой одеждѣ...

ГУСТАВЪ *(съ гнѣвомъ).*

Старикъ! а если я взаимно упрекать
Примусь, науки проклинать,
Которымъ былъ тобою обучаемъ?
Ты погубилъ меня, ты выучилъ читать,
Ты землю сдѣлалъ адомъ мнѣ *(съ печальною улыбкою)* и раемъ;
(съ негодованіемъ)
А это лишь земля и только!

СВЯЩЕННИКЪ

Боже мой!
Ты мною былъ любимъ, какъ сынъ родной,
Я не хотѣлъ губить тебя..

ГУСТАВЪ

Я знаю;
За это лишь тебя прощаю.

СВЯЩЕННИКЪ.

Я къ Богу прибѣгалъ съ усердною мольбой,
Чтобъ Онъ хоть разъ еще дозволилъ намъ свиданье.

ГУСТАВЪ

Обнимемся-жъ, пока не сгаснетъ свѣтъ второй:
Исполнилъ Богъ твое желанье. *(обнимаются)*
Но, поздно ужъ ... Еще далекъ мой путь!

СВЯЩЕННИКЪ.

Желалъ-бы всѣ твои услышать приключенья;
Но ты усталъ и хочешь отдохнуть.

ГУСТАВЪ.

Благодарю; но угощенья
Принять я не могу: мнѣ нечѣмъ заплатить.

СВЯЩЕННИКЪ.

Какъ?

ГУСТАВЪ.

Тотъ проклятъ, кто беретъ и ничего не платитъ;
Нашъ долгъ платить за все: иль дѣло совершить,

Иль чувство въ дань принесть, или хотя слезу пролить;
А за слезу опять Отецъ Небесный платитъ.
Когда-жъ я въ этотъ край шаги свои занесъ,
На каждый уголокъ истратилъ столько слезъ,
Что неосталось къ новой тратѣ;
А въ домъ я не вхожу, не видя средствъ къ уплатѣ.
(помолчавъ)

Недавно посѣтилъ я домъ
Покойной матери. Добыча разрушенья,
Ужъ онъ въ развалинахъ. Какая гниль кругомъ:
Разбросанъ частоколъ, разсыпаны каменья,
Подъѣздъ заросъ полынью, мхомъ,
И все молчитъ, какъ на кладбищѣ.
Когда-то не таковъ мой въѣздъ былъ въ то жилище!
Бывало ѣду я: у городскихъ воротъ
Меня съ поклономъ челядь, ждетъ,
Въѣзжаю въ городъ — сестры, братья
Бѣгутъ на встрѣчу мнѣ стремглавъ,
И всѣ кричатъ: Густавъ! Густавъ!
И простираютъ мнѣ объятья...
Съ благословеніями мать
Идетъ родимаго встрѣчать,
Товарищи меня глушатъ заздравнымъ кликомъ,
А тутъ.... въ ночной глуши,
Безмолвно, въ запустѣньи дикомъ
Бродилъ я... ни живой души!

Вдругъ слышу лай. — Ахъ это ты, старинный,
Стражъ дому, нашъ слуга, нашъ другъ,
Нашъ вѣрный пёсъ! остался ты единый
Отъ множества друзей и слугъ;
Старъ, голоденъ и тощь; ты все не измѣнилъ,
Какъ прежде ты хранишь въ безмолвіи ночномъ
Ворота безъ замка и безъ хозяевъ домъ.
Поди ко мнѣ, мой песъ! — Бѣжитъ, остановился...
Узналъ, завылъ, вскочилъ ко мнѣ на грудь
И лишь успѣлъ на ней послѣдній разъ дохнуть!..

Свѣтъ въ окнахъ мнѣ мелькнулъ, вхожу въ покои: что-же?
Разносятъ хищники остатки кирпичей
И ужъ занесъ топоръ одинъ злодѣй
Надъ мѣстомъ, гдѣ стояло ложе
Покойной матери моей...
Я захватилъ его: кровавыми глазами
Ворочалъ онъ, когда его я сжалъ.
Ужъ утра блѣдный лучь дрожалъ,
Я сѣлъ и залился слезами;
Вдругъ слышу, движется во мглѣ
Въ лахмотьяхъ женщина, блѣдна, при костылѣ,
Подобно призраку, со мной она столкнулась,
Увидѣла меня — и ужаснулась.
„Небойся! — я сказалъ — кто ты, зачѣмъ сюда,
Ты въ опустѣлый домъ явилась съ-позаранья?"
— „Я нищая!" — она мнѣ сквозь рыданья
Отвѣтила. — „Мои здѣсь жили господа,

Такіе добрые! Уже ихъ нѣтъ на свѣтѣ!
Имъ счастья недалъ Богъ: несчастныя ихъ дѣти
Всѣ померли, домъ пустъ. — Былъ баринъ молодой,
И тотъ ужъ чай въ землѣ сырой!" —
Я выслушалъ. — Такъ нѣтъ уже потери,
Которой-бы еще со мною не сбылось!!..
Чуть живъ я оперся объ двери
И кровью сердце залилось....
Погибло все!!!..

СВЯЩЕННИКЪ

Опричь души и Бога
Все на землѣ пройдетъ: и счастье и бѣды.

ГУСТАВЪ.

Воспоминанья дѣтства! ихъ такъ много!
Все миновалось, гдѣ слѣды?...
На этомъ я крыльцѣ порою
Съ толпой ровестниковъ игралъ,
Въ сосѣдней рощѣ за рѣкою
Пернатыхъ гнѣзда доставалъ,
Порой въ тотъ лѣсъ, еще до класса,
Ходилъ, сквозь утренній туманъ,
Твердилъ Гомера или Тасса,
Читалъ, какъ бился Іоаннъ,
Сзывалъ товарищей порою,
И съ ихъ отважною толпою

Летѣлъ грозой на Мусульманъ,
Вдали шелъ строй полковъ нѣмецкихъ,
Мы быстро мчались на врага
И полумѣсяцевъ турецкихъ
Тряслись кровавые рога;
Какъ молньи сыпались удары,
Летѣли головы, какъ градъ,
Въ песокъ ложились янычары,
Иль съ воплемъ страха шли назадъ;
Лихіе всадники ихъ сбиты,
Чалмы валяются въ пыли,
А члены — конскіе копыты
Въ широкомъ полѣ разнесли.
Идемъ на валъ, младые тигры...
Она тогда пришла взглянуть
На наши бѣшеныя игры...
Моя затрепетала грудь
И вмигъ разстроилась побѣда:
Прости война и ратный станъ!
Во мнѣ духъ умеръ Годофреда
И сгибнулъ Третій Іоаннъ.
Съ тѣхъ поръ, питаемыя мною
Моленья, мысли, чувства, — все —
Текутъ обычной чередою
Отъ ней и къ ней, черезъ нее!

Тутъ въ первый разъ я встрѣтилъ взоръ небесный,
Тутъ первый разъ словамъ ея внималъ,

Тутъ вмѣстѣ съ ней Руссо читалъ,
Тамъ рвалъ для ней цвѣты, подъ тѣнію древесной.
Здѣсь, близь меня сидѣла въ челнокѣ
И уда гибкая дрожала въ ручкѣ милой,
И трепеталъ, сверкая на крючкѣ,
Серебро-перый карпъ иль окунь златокрилый;
И вотъ ... *(плачетъ)*

СВЯЩЕННИКЪ

Вотще о прошломъ слезы лить:
Насъ губитъ это сокрушенье,
А золъ неможетъ облегчить.

ГУСТАВЪ.

Чрезъ нѣсколько лишь лѣтъ какое измѣненье!
Въ счастливыхъ я мѣстахъ, въ несчастномъ положеньи!

Пусть камнемъ тѣшится дитя,
Потомъ растетъ, непокидая
Того-же камня; въ край изъ края
Съ нимъ переходитъ цѣлый вѣкъ,
И, если тотъ-же человѣкъ,
Въ свой край родимый возвратится
И, не найдя въ землѣ родной
Себѣ подушки гробовой,
Къ тому-же камню обратится, —
Послушай, — ежели тогда
Слезъ не прольетъ и мертвый камень.

Возьми его и безъ суда
Повергни прямо въ адскій пламень.

СВЯЩЕННИКЪ.

Не горьки слезы тѣ, гдѣ съ ядомъ скорби злой
Воспоминанія, какъ Божій нектаръ, слиты:
Чувствительность ихъ льетъ на жертвенникъ святой;
Злодѣя лишь слеза горка и ядовита.

ГУСТАВЪ.

Послушай, что еще тебѣ я разскажу!
Однажды по саду хожу;
Ночь, блѣдный мѣсяцъ, домъ въ туманѣ,
Безмолвно, глухо все окрестъ;
Окончивъ путь свой, группы звѣздъ
Въ лазурномъ тонутъ океанѣ,
И надо мной одна звѣзда
Блеститъ, какъ нѣкогда блистала;
Все было также, какъ тогда,
Въ ту ночь!.. Ея недоставало!—
Иду къ бѣсѣдкѣ... шумъ ... *она*?...
Нѣтъ! я обманутъ листьевъ шумомъ.
Какимъ душа моя въ то время предана
Была волненіямъ и думамъ!
Быть можетъ здѣсь ея остался слѣдъ;
Быть можетъ здѣсь вчера она стояла,

И этимъ воздухомъ дышала?...
Смотрю... присматриваюсь... нѣтъ!...
На слабой нити надо мною
Висѣлъ паукъ... и я, какъ онъ,
Въ то время съ небомъ и землею
Одной лишь нитью былъ скрѣпленъ.
Вдругъ вижу на скамьѣ бѣсѣдки
Лежатъ поблеклые цвѣты
И ею брошена часть кипарисной вѣтки,
Символъ послѣдняго „прости!"
Обломокъ вѣтви той, какъ друга
Я встрѣтилъ и про все разспрашивалъ сполна:
Здорова-ли она, что дѣлаетъ она,
Чѣмъ занята въ часы досуга,
И гдѣ бываетъ, рано-ли встаетъ,
Какой романсъ охотнѣе поетъ
И помнитъ-ли меня, или забыла?—
И что-жъ услышалъ я? что мнѣ тогда открыла
Оставленная вѣтвь?—Увы!
Всегда насъ любопытство губитъ!...—
Эй, дѣти! знаете-ли вы
Родную пѣсню: *какъ полюбитъ?*
(поетъ).

Какъ полюбитъ не нашутку
Дѣва красная кого,
Прежде каждую минутку
Помнитъ друга своего.

ХОРЪ ДѢТЕЙ

То-то любитъ! то-то любитъ!
Вспоминаетъ каждый мигъ!

ГУСТАВЪ.

Пропускаючи минутки,
Послѣ помнитъ каждый часъ,
А потомъ однажды въ сутки,
А потомъ въ недѣлю разъ.

ХОРЪ ДѢТЕЙ.

А и то добра дѣвица,
Что въ недѣлю вспомнитъ разъ!

ГУСТАВЪ.

Послѣ вспомнитъ мѣсяцъ каждый,
При началѣ, аль съ хвоста,
Наконецъ ужъ въ годъ однажды,
Въ дни великаго поста,
Въ дни великаго поста,
Что предъ праздникомъ Христа!

ХОРЪ ДѢТЕЙ.

И за то еще спасибо:
Незабыла до чиста! —

ГУСТАВЪ. *(показывая вѣтку)*

Вотъ ею брошеный минувшаго залогъ!
Ужъ ей запрещены тѣхъ дней воспоминанья!...
Оставивъ садъ, иду... передо мной чертогъ
И тысячи огней и звуки ликованья,
Средь мглы ночной ярчайшій свѣтъ,
Веселый шумъ и стукъ каретъ...
Я тихо вдоль стѣны, дрожащими ногами
Прошелъ подъ окнами, прошелъ между столбами,
Какой-то силою влекомъ;
Подкрался я къ сѣнямъ хрустальнымъ,
Смотрю: столы накрытые — кругомъ
Какой-то праздникъ, цѣлый домъ
Наполненъ громомъ музыкальнымъ.
Прислушиваюсь: тостъ! и голосъ незнакомый
Знакомое мнѣ имя прознесъ.
Чье?— Не скажу. И вдругъ, какъ съ неба громы,
„Да здравствуетъ!" повсюду раздалось!
„Да здравствуетъ!" и я поздравилъ,
И вслѣдъ за тѣмъ, прости, вполголоса прибавилъ;
Потомъ священникъ вдругъ... то мигъ ужасный былъ,
Не знаю какъ я живъ остался—
Другое имя возгласилъ.
И снова кликъ „да здравствуетъ" раздался!
(какъ-бы выглядывая изъ-за дверей)
Благодарятъ... чья рѣчь слышна?
Она!— ужели то она??..

Какъ ярый исполинъ, съ померкшими очами
На стѣны зданья я налёгъ,
Перехватилъ столбы и мощными руками
Хотѣлъ расторгнуть ихъ и развалить чертогъ;
Но, уступивъ изнеможенью,
На землю бездыханный палъ...
(помолчавъ)
Я думалъ, жизни я лишился — къ сожалѣнью,
Я только разумъ потерялъ.

СВЯЩЕННИКЪ.

Жестокихъ мукъ ты самъ искалъ, безумный.

ГУСТАВЪ.

Какъ трупъ, вблизи толпы, пирующей и шумной
Лежалъ я, плавая въ слезахъ.
Когда-жъ очнулся я, ужъ утро въ небесахъ
Горѣло; времяни исчезла скоротечность.
Палящъ, какъ молнія, неизмѣримъ, какъ вѣчность,
Былъ мигъ прожитый мной тогда...
Еще такой придетъ въ день Страшнаго Суда.

СВЯЩЕННИКЪ

Зачѣмъ же рану ты, которая закрылась
Самъ раздражалъ? Извѣстно то давно:

Нельзя перемѣнить того, что совершилось;
Такъ видно Богомъ суждено!

ГУСТАВЪ. *(печально)*

Нѣтъ! Богъ хотѣлъ, чтобъ мы соединились:
Мы подъ одной звѣздою рождены,
Мы были возрастомъ равны,
Сердца въ насъ тѣмъ же чувствомъ бились,
Однии тѣжъ природа намъ дала
Стремленья, мысли и желанья,
Богъ основалъ всѣ узы сочетанья, —
(горестно)
Она разорвала!!..
(съ негодованіемъ)

О женщина, горсть легкой пыли!
Небесныхъ ангеловъ своею красотой
Ты превосходишь, а душой
Ты хужѣ, нежели ...мгновенно ослѣпили
Тебя блескъ золота и почестей тщеты!
О, если-бъ изъ всего, кчему коснешся ты,
Раждались золотыя горы,
Къ чему не устремишь уста свои, иль взоры,
Пускай все въ золото преобразится вмигъ!
Цѣлуй его, сжимай въ объятіяхъ своихъ!
Когда-бъ мнѣ въ выборѣ дана была свобода
И образъ дѣвы мнѣ предсталъ,

Какого никогда міръ здѣшній невидалъ,
Какого немогла еще создать природа,
Прекраснѣй ангеловъ, прекраснѣе всего,
Прекраснѣй сновъ и вымысловъ поэта,
Прекраснѣе тебя... на это чудо свѣта
Не промѣнялъ-бы я и взгляда твоего;
И если-бы съ собой въ приданое та дѣва
Все золото Америки несла,
И еслибы она была
Царицею земли и неба королевой —
Ее отвергъ-бы я, и, презренная мной,
Когда-бъ она огромною цѣной
Всѣхъ прелѣстей и золота хотѣла
На время взять къ себѣ во власть
Моей часть жизни, только часть,
Я-бъ отказалъ; а жизнью цѣлой
Тебѣ пожертвовалъ. И еслибы она
Просила года лишь, просила только дня,
Единой ласки лишь, минуты снисхожденья, —
Нѣтъ, нѣтъ, и одного мгновенья
Не получила-бъ отъ меня!

(Сурово)

А ты, холодная, какъ камень,
Мнѣ приговоръ произнесла!
Единымъ словомъ адскій пламень
Между собой и мной зажгла!...
Жди, вѣроломная, громъ ярый

Пройдетъ по грознымъ небесамъ
И на тебя падутъ удары:
Я самъ
Не отпущу тебя безъ кары!
Казнь, казнь, измѣнники! я вамъ
(вынимаетъ кинжалъ съ яростною ироніею)
Забаву славную, блестящую игрушку,
Съ собой почтеннѣйшимъ гостямъ
Несу на брачную пирушку!..
Бокалы всѣ осушены до дна...
Постойте, будетъ тостъ: еще я знаю мѣсто,
Откуда наточить багрянаго вина!...

А! здравствуй, милая невѣста!
Другимъ теперь вѣнцомъ тебя я обовью
И въ адъ съ собой возьму какъ собственность мою!
(Останавливается и послѣ нѣкотораго размышленія)

Нѣтъ! если-бъ кто убійцей плавалъ
Въ ея крови, ктобъ могъ ее пролить,
Тотъ первый дьяволъ долженъ быть,
И болѣе, чѣмъ первый дьяволъ!

Священникъ между тѣмъ уходитъ)

Пусть совѣсти кинжалъ ея пронзаетъ грудь!
Нѣтъ! этой стали мнѣ ненужно!
(прячетъ кинжалъ)
Я къ ней пойду, какъ прежде, безоружный,
Пойду чтобъ на нее взглянуть;

Средь залы пиршества, въ блестящихъ одѣяньяхъ,
Я въ этомъ рубищѣ, съ травой вокругъ чела
Войду — и стану у стола.
Всѣ смотрятъ на меня, на лицахъ удивленье,
Потомъ мнѣ сыплются привѣты, приглашенья,
Я, неподвижный, какъ скала,
Стою — и никому ни слова.
Меня зовутъ и приглашаютъ снова,
Мнѣ предлагаютъ въ кругъ танцующихъ войти,
Кругомъ гремятъ веселья звуки;
А я... одна рука притиснута къ груди,
Въ другой листы и вѣтвь разлуки,
Въ издранномъ рубищѣ, съ травой вокругъ чела
Стою безмолвный, какъ скала;
Вотъ и она меня, какъ гостя дорогого
Привѣтствуетъ, заводитъ разговоръ:
„Кто ты? Откуда ты?“— А я стою, ни слова
И на нее вперяю неподвижный взоръ....
Га! это будетъ взоръ змѣиный!
Я перелью въ него до капли весь мой ядъ;
Въ свои глаза и въ этотъ взоръ единый
Изъ сердца вызову всѣхъ демоновъ весь адъ!
И будь она слѣпа, какъ дымъ смолы кипучей,
Какъ адскій дымъ, пронзительный и жгучій,
Подъ вѣки глазъ ея прорѣжется мой взглядъ,
Проникнетъ въ голову и въ мысль ея вопьется,
И станетъ цѣлый день мечты ея мутить,

И въ ночь отъ сна ее будить,
И вновь терзать, когда она проснется.

(съ жалостію)

Терзать!—А какъ она нѣжна,
Какъ вешніи пухъ на стеблѣ боязливомъ,
Которому зефиръ грозитъ обрывомъ,
Которому роса вредна!
Не каждое-ль мое движенье
Ее такъ трогало? какъ больно было ей,
Когда въ словахъ любви моей
Порою колкое случалось выраженье!
Малѣйшій сумракъ думъ моихъ
Уничтожалъ ея веселость вмигъ;
Одно въ другое проникали
Взаимно дружныя сердца;
Взглянувъ на зеркало лица,
Другъ-друга мы желанья узнавали.
Бывало мысль мелькнетъ лишь въ головѣ моей,
Ту мысль мой взоръ ей прямо въ сердце вноситъ,
А изъ божественыхъ очей
Мнѣ взоръ ея ту мысль обратно переброситъ.
Какъ я ее любилъ!.... И нынѣ дни влача,
Я чувствъ не всилахъ уничтожить;
Пойду-ль теперь ее тревожить,
Сокрывъ любовника подъ маской палача?
Прочь зависть низкая! За что казнить пойду я?.
Старалась-ли она меня завлечь,

Со мною заводя двумысленную рѣчь
И, душу страстную обдумано волнуя,
Улыбкой хитрою иль жалобнымъ лицомъ?
Нѣтъ, нѣтъ, она невинна въ томъ:
Слыхалъ-ли я отъ ней коварные привѣты?
Гдѣ клятвы? гдѣ ея обѣты?
Старалась-ли, хотя во снѣ,
Она подать надежду мнѣ?
Я самъ себя ласкалъ, надеждою лукавой,
Самъ приготовилъ ядъ, отъ собственной отравы
Моя вскружилась голова.
Кчему-жъ мой гнѣвъ? и гдѣ мои права?
Гдѣ доблести мои? гдѣ важный санъ? гдѣ слава?
Любовь — мое единственное право,
Мое достоинство, мой санъ и подвигъ мой!
Я вдаль и не стремилъ преступнаго желанья,
Отвѣта не просилъ на грѣшный пламень свой,
Просилъ лишь нѣсколько вниманья,
Да только чтобъ была со мной.

Пускай-бы съ нею былъ я, какъ съ сестрой моею,
Довольно-бъ и того, лишь могъ-бы я сказать:
Сегодня съ нею я, вчера былъ вмѣстѣ съ нею,
И буду завтра съ ней опять; —
Лишь только-бъ былъ съ ней вмѣстѣ ежечасно,
Поутру первому привѣтъ ей принести
Послѣднему сказать вечернее „прости„ —
Как ъсчастливъ былъ-бы я! . мечтать теперь напрасно!

Ревнивый взоръ ее, какъ жертву стережетъ:
Ужъ мнѣ нельзя съ тобою повидаться!
Велятъ мнѣ прочь уйти, велятъ съ тобой разстаться,
Велятъ мнѣ умереть!...
О люди, хладный родъ!
Вы знаете-ль конецъ пустынника жестокій?
На этотъ міръ въ послѣдній разъ
Глядитъ онъ въ мірѣ одинокій,
И нѣкому закрыть его померкшихъ глазъ.
Ни кѣмъ не окруженъ, трупъ людямъ чуждый стынетъ,
Никто песку на прахъ его не кинетъ,
Никто слезы надъ бѣднымъ не прольетъ!
О, еслибы меня ты, вспомнивъ пожалѣла,
Иль хоть одинъ денекъ въ домашней тишинѣ
Ходила въ трaурѣ, иль въ память обо мнѣ
Хоть лѣнту черную надѣла....
Вздохнула-бы и влажный взоръ склоня...

(Сурово)

Уймитесь, женскія стенанья!
Прочь жалобный, визгливый тонъ!
Въ минутахъ съ жизнью разставанья
Счастливцу лишь приличенъ стонъ!
Любовь всего меня лишила:
Надеждъ и счастья прошлыхъ дней;
Но не отниметъ эта сила
Остатка гордости моей....

Не вымолю я сожалѣнья
Въ печальной жизни до ко..ца
И не унижусь до мол..лья,
Чтобъ пожалѣли мертвеца!
(съ рѣшимостію).
Какъ хочешь поступай, препятствовать не буду!
Забудь и я тебя забуду....
Ужъ позабылъ.... ужъ вотъ ея черты
Темнѣй, темнѣй.... исчезли до единой,
Объяты вѣчности пучиной, —
Я презираю суеты!
(Пауза)
Однакожъ .... я вздохнулъ.... о чемъ? о ней грущу я?
Нѣтъ, нѣтъ! ее забыть и мертвый не могу я!
Вотъ.... вотъ она!.... вотъ руки сжавъ,
Льетъ слезы, горестно рыдаетъ!
(Жалобно)
Плачь, милая, Густавъ твой умираетъ!!...
(съ рѣшимостію)
Но далѣе, впередъ, Густавъ!
Что плачешь, милая? напрасно огорченье!
Небойся, не возметъ съ собой онъ ничего,
Оставитъ все тебѣ, и жизнь и наслажденье
И даже твоего...
Не проситъ ни очемъ и слезъ твоихъ не проситъ!..
(обращаясь къ Священнику который въ это время входитъ съ служителями).

Послушай! Если въ жизни встрѣтишь ты
Дѣвицу, женщину небесной красоты,
И ежели тебя она случайно спроситъ,
Какъ приключилась смерть моя,
Не говори, что умеръ я
Въ отчаяньи отъ смертной раны —
Скажи, что я, веселый и румяный
Забылъ о милой, пировалъ,
Гулялъ съ друзьями, пѣлъ игралъ
И что переломилъ въ разгульной пляскѣ ногу,
И умеръ отъ того.
(вонзаетъ въ себя кинжалъ).

СВЯЩЕННИКЪ.

Густавъ! побойся Бога!
(Схватываетъ Густава за руку; Густавъ стоитъ неподвижно; часы бьютъ, пѣтухъ поетъ во второй разъ, другая свѣча гаснетъ).

ГУСТАВЪ,

Чу! одинадцатый часъ!
Звонкое воззванье
Раздалось второй ужъ разъ!
Свѣтъ второй въ глазахъ угасъ,—
Кончено страданье!

СВЯЩЕННИКЪ.

Подайте помощь! онъ вонзилъ кинжалъ,
Нѣтъ средства отъ напасти!
Онъ палъ какъ жертва лютой страсти!

ГУСТАВЪ *(съ холодною улыбкою)*

Однако-жъ не упалъ.

СВЯЩЕННИКЪ.

Даруй, Господь, безумному прощенье!

ГУСТАВЪ.

Не ежедневное безумество я свершилъ!
Оставь пустыя попеченья:
Давно все кончено. Теперь для поученья
Я эту сцѣну повторилъ.

СВЯЩЕННИКЪ.

Какъ, чтоже это все?

ГУСТАВЪ.

Продѣлки, представленья!

СВЯЩЕННИКЪ.

Дрожу отъ страху я и волосы мои
Подъемлются. Скажи, что значитъ это?

ГУСТАВЪ.

Пробило два часа: сперва былъ часъ любви,
Потомъ отчаянья, теперь пора совѣта
И наставленья.

СВЯЩЕННИКЪ.

Сядь, подай кинжалъ сюда,
И осмотрѣть дозволь мнѣ рану.

ГУСТАВЪ.

Клянусь тебѣ, до Страшнаго Суда
Оружья этаго я обнажать не стану.
О ранахъ не тужи, не трать напрасно словъ:
Ты видишь, я совсѣмъ здоровъ,
Кчему-жъ мнѣ было-бы лѣкарство?

СВЯЩЕННИКЪ.

Непостижимо мнѣ, что значитъ это все?

ГУСТАВЪ.

Безуміе, а можетъ-быть фиглярство!
Повѣрь, кинжалы есть, которыхъ острее
Пронзаетъ только духъ страданій;
Тебѣ порукой я! — средь горкихъ испытаній....
(*помолчавъ, съ улыбкою*)
Я начерталъ
Моихъ страданій бѣдственую повѣсть ...
Взоръ женщины одинъ такой кинжалъ,
(*мрачно*)
Другой-же — грѣшника терзающая совѣсть!

СВЯЩЕННИКЪ.

Что это значитъ! Боже мой!
Лицо твое вдругъ страшно помертвѣло,
Ужасной бѣлизной
Заволоклись глаза, рука оледенѣла,
Не бьется пульсъ — скажи мнѣ, что съ тобой?

ГУСТАВЪ.

Когда-нибудь поговоримъ объ этомъ.
Теперь скажи, когда я съ этимъ свѣтомъ
Рѣшась увидѣться изъ тмы,
Явился къ твоему порогу,
Въ то время ты съ дѣтьми молился Богу
За души прадѣдовъ?

СВЯЩЕННИКЪ *(беретъ крестъ)*

Сей-часъ-же кончимъ мы. *(зоветъ къ себѣ дѣтей)*

ГУСТАВЪ.

Но прежде мнѣ признайся откровенно:
Ты вѣруешь въ чистилище и въ адъ?

СВЯЩЕННИКЪ.

Во все я вѣрую смиренно,
О чемъ священныя намъ книги говорятъ.

ГУСТАВЪ.

За вѣрою отцевъ идешь ты битымъ слѣдомъ;
Но согласись, что въ память нашимъ дѣдамъ
Гораздо лучшимъ былъ языческій обрядъ.

СВЯЩЕННИКЪ.

Насъ Церковь облекла и властью и обѣтомъ
Остатки тѣхъ нечистыхъ дней
Повсюду истреблять и просвѣщать людей.

ГУСТАВЪ.

Однако просьба есть — и я пришелъ съ совѣтомъ
Поминки тѣ возстановить.

Повѣрь, коль нашу смерть хоть рабъ одинъ оплачетъ,
Когда хоть нищему насъ жаль,
Его слеза предъ Богомъ большѣ значитъ,
Чѣмъ эта пышная, поддѣльная печаль!
Она важнѣе *тамъ* всесвѣтныхъ разглашеній
И съѣзда пышнаго, притворныхъ мрачныхъ слезъ
И суетыхъ надгробныхъ украшеній
И трауромъ обитыхъ колесницъ;
Грошевая свѣча бѣдняги земледѣльца
Надъ прахомъ добраго владѣльца
Въ тмѣ вѣчности горитъ яснѣй,
Всѣхъ факеловъ и лампъ и тысячи огней;
А если мёдъ, млеко на мѣсто погребенья
И горсть муки съ собой онъ принесетъ
Почтить покойнаго,— о, это приношенье
И самый пышный пиръ далеко превзойдетъ!

СВЯЩЕННИКЪ.

Ни слова; но обрядъ тотъ совершался
Въ церквахъ, въ пещерахъ, въ тмѣ ночной;
Народъ толпами шумными сбирался
И, суевѣрною обманутый молвой
О чарахъ, о духахъ раждаемыхъ, мечтой,
Во мракъ невѣжества тѣмъ большѣ погружался.

ГУСТАВЪ.

Такъ нѣтъ духовъ? такъ этотъ свѣтъ —
Бездушный автоматъ, безжизненый скелетъ,
Которымъ движетъ тайная пружина?
Огромныя часы, машина,
Которой тяжесть ходъ даетъ?
Ужели такъ вы мыслите о мірѣ?
Часы!.. *(съ усмѣшкою)* А кто привѣсилъ гири?
Наука, можетъ-быть вамъ разрѣшитъ вопросъ
О силѣ всѣхъ пружинъ и дѣйствіи колесъ;
Тогда-бъ увидѣли вы тысячи духовъ,
Дающихъ міру жизнь и въ сердце міра скрытыхъ!
(обращаясь къ дѣтямъ)
Гей, дѣти! станьте здѣсь и приклоните слухъ.
(наклонясь къ канторкѣ)
О чемъ ты просишь, духъ?

ГОЛОСЪ изъ КАНТОРКИ.

Прошу объ трехъ молитвахъ.

СВЯЩЕННИКЪ *(Устрашенный)*

Эй! люди! кликните причетниковъ ко мнѣ!
Творецъ мой! сверхъестественое дѣло:
Здѣсь слово превратилось въ тѣло!

ГУСТАВЪ.

Стыдись, старикъ, стыдись! гдѣ вѣра? разумъ гдѣ?
Что причетъ твой? Въ опасности, въ бѣдѣ
Къ кресту ты долженъ обратиться;
Господень крестъ сильнѣй всего:
Кто Бога истинно боится,
Тотъ нестрашится ничего.

СВЯЩЕННИКЪ.

Упырь! мертвецъ! чего
Ты требуешь, скажи мнѣ ради Бога?

ГУСТАВЪ.

Спроси о томъ другихъ, нуждающихся много,
А мнѣ пособія не нужно твоего.
(Поймавъ порхавшаго около свѣчи мотылька и показывая его священнику).
Вотъ господинъ мотыль. Душъ этихъ рой крылатый
Гасилъ при жизни свѣтъ наукъ;
Погибнетъ въ Судный День, кромешной тмой объятый:
А, между тѣмъ, блуждая въ царствѣ мукъ,
Вкругъ блеска вьется онъ, котораго нелюбитъ
И, нехотя къ нему летитъ;
А этотъ блескъ его палитъ и губитъ;
Червякъ, который такъ шумитъ,

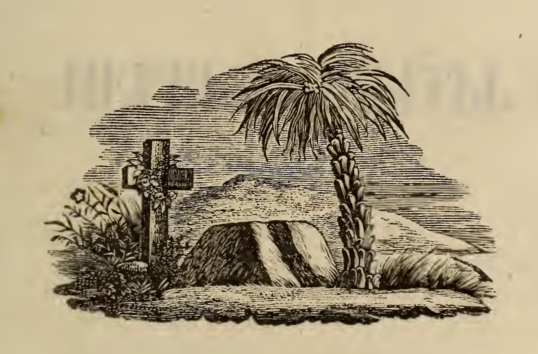
Махая крыльями, въ одеждѣ полосатой,
При жизни княземъ былъ, вельможа, панъ богатый,
И, крылья разпустивъ тогда,
Онъ ими застилалъ большiе города;
А тотъ, кто малъ и пестръ — былъ цензоромъ на свѣтѣ:
Въ цвѣтахъ поэзiи онъ рылся и порой
Въ нихъ прелѣсть тайную замѣтя,
Ее маралъ холодною рукой;
Онъ въ нектаръ, передъ нимъ разлитый
Глубоко опускалъ свой кубокъ ядовитый,
И самое зерно наукъ
Подтачивалъ ехиднымъ зубомъ....
А этотъ мѣлкiй рой, что вѣчно вьется клубомъ,
То рой насмѣшниковъ и душъ чернильныхъ кругъ.
Взглянулъ-ли ихъ патронъ на всходъ колосьевъ съ гнѣвомъ,
Иль ниву осудилъ на жертву съ-горяча,
Мгновенно тучи ихъ являлись надъ посѣвомъ
И все проклятая съѣдала саранча!
За нихъ молиться не имѣешъ нужды:
Не стоитъ „*Дѣва радуйся*" прочесть,
Но сожалѣнiя достойныхъ много есть
И многiе тебѣ не чужды;
О нихъ молись, о нихъ жалѣй,
А мнѣ лишь посвяти одно воспоминанье.
За жизнь—при жизни я ужъ вынесъ наказанье,
Теперь не знаю самъ объ участи моей:

Кто здѣсь блаженства зналъ вершину,
И, самаго себя другую половину
Найдя въ возлюбленой, свѣтъ дольній презиралъ,
И мыслилъ чрезъ нее и чрезъ нее дышалъ,
Тотъ и по смерти отдѣлиться
Не можетъ онъ нее душой:
Не существуетъ самъ-собой,
Но въ тѣнь ея преобразится.
Кто связанъ съ добрымъ существомъ,
Тотъ будетъ вмѣстѣ съ нимъ и въ жизни безконечной
Увѣнчанъ свѣтлымъ торжествомъ;
А кто со злымъ,—погибнетъ въ мукѣ вѣчной.
Я преданъ ангелу—и будущее мнѣ
Сіяетъ радостью: я жду блаженства рая;
А между тѣмъ, какъ тѣнь за милою блуждая,
Бываю то въ аду, то въ райской вышинѣ;
Когда по мнѣ вздохнувъ, она слезу уронитъ,
Лечу къ ея устамъ, ей легкимъ вѣтеркомъ
Развѣю волосы и весело кругомъ
Ношусь — и духъ мой въ небѣ тонетъ.
Когда-жъ!... Ахъ! знаетъ кто любилъ,
Какъ жгучь любви ревнивый пылъ!—
Такъ буду я блуждать, доколѣ Богъ не кликнетъ
Земнаго ангела къ Престолу Своему,—
Тогда украдкой вслѣдъ ему
Туда и тѣнь моя проникнетъ!...
(Часы начинаютъ бить. Густавъ поетъ).

Такъ въ законахъ Своихъ Царь Небесъ начерталъ:
Пусть-то каждый замѣтитъ, пойметъ и разсудитъ:
Кто при жизни хоть разъ въ небесахъ побывалъ,
Тотъ не сразу по смерти допущенъ въ нихъ будетъ

(Часы перестаютъ бить. Пѣтухъ кричитъ во второй разъ лампада передъ образомъ гаснетъ; Густавъ исчезаетъ. Хоръ повторяетъ:)

Такъ въ законахъ своихъ и проч.

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ.

РУССКІЙ ГЕНЕРАЛИТЕТЪ,

или

СЛАВА РОССІИ.

Бурлитъ и реветъ разъяренное море,
И плещетъ высоко сѣдыми волнами,
И мракомъ одѣлось и стонетъ громами
И бѣднымъ пловцамъ со стихіею—горе.

Но легчѣ грозному перуну
Потокъ огнистый преградить,
Смирить враждебную стихію
И разъяренному буруну
Сломить предательскую выю,
Чѣмъ Цвѣтъ блистательной Россіи
Въ бою за Царство побѣдить.
Европа, съ нами согласись!

Вспомни давнее, дивись
Нашимъ Русскимъ Генераламъ,
Нашимъ Ксерксамъ, Аннибаламъ,
Тѣмъ, что бранные уставы
Ты когда-то предлагала,

Что для собственной забавы
Похищать трофеи славы
Ты межъ-шутокъ научала:
Такъ, Европа, подивись
Ты своимъ ученикамъ;
Узнаешь-ли? Не чинись,
Подойди, да поклонись
Нашимъ Сѣвернымъ Орламъ!

Кто-жъ, скажи, вѣдь ты видала,
Какъ не наши Генералы
На землѣ и на водахъ
Благоденствія скрижали
Для тебя всегда чертали,
Въ неизгладимыхъ строкахъ?
Не они ли, погляди,
Да скажи намъ: даромъ, что-ли,
Эти звѣзды прикололи
Къ ихъ воинственной груди?
Развѣ мало разъ спасали
Отъ погибели тебя,
Миръ и счастье даровали
Безкорыстно—такъ—любя?
А давно-ль изъ колыбели
Мы на бранный міръ глядѣли?
А давно-ль тебя просили
Намъ„ малюткамъ“ пособить
Мечь „Полтавскій“ обнажить?

Глядь, булатомъ мы тряхнули,
Острымъ лезвеемъ сверкнули—
Ты прислала намъ привѣтъ;
Глядь—тебѣ же рядъ побѣдъ
Мы, какъ вѣки на скалѣ,
Зарубили на челѣ....
Тутъ узнала насъ и ты
И на помощь призвала,
Кудри-жъ наши убрала
Въ „Ватерлоскіе“ цвѣты!

Что-жъ, не правда-ли, нежданно
Вознеслася Русь вѣнчанна,
Озарила Бѣлый Тронъ,
Утвердила свой Законъ,
И, Ему благодаря,
Слава Русскаго Царя,
Съ вереницею побѣдъ
Удивляетъ нынѣ свѣтъ??

Помнишь-ли, когда ныряла
Ты гражданъ своихъ въ крови,
И злодѣйствами терзала
Сердце въ собственной груди?
Отъ-того все, что не знала
Ты до-толѣ Генераловъ
Православныя Земли:
Ныньче-жъ имъ благодари,

Имъ воздвигни алтари,
Ихъ дѣлами вознесись,
Имъ—вѣнецъ за пальму мира
И твоихъ поэтовъ лира
Пусть ихъ славитъ въ родъ и родъ!!

Ликуй-же, славный Цвѣтъ Россіи,
Оплотъ, надежда, честь, краса!
Ты—жизнь Европы, мысль, стихія,
Ты—умъ ея, совѣтъ, гроза;
Ты—лучь, достойный алтарей,
Ты—типъ великаго законовъ,
Ты—обелискъ земныхъ царей,
Ты—ауреолъ любви милліоновъ.
Ты будешь славою своей
Въ струѣ грядущихъ поколѣній
Свѣтиломъ радужнымъ сіять
И звуки новыхъ пѣснопѣній
Потомкамъ позднимъ оживлять!

УРАГАНЪ И ЗЕФИРЪ.

Скажи, Зефиръ,
Зачѣмъ эѳиръ,
Родной предѣлъ,
Ты опустилъ?
Зачѣмъ въ покой
Печальный мой
Ты залетѣлъ?
Какую вѣсть
Ко мнѣ принесть
Ты поспѣшилъ?

„Нѣтъ, не съ вѣстью къ тебѣ
Прилетаю;
О защитѣ тебя
Умоляю:
Лютый врагъ-Ураганъ
Въ полѣ рыщетъ
И развѣять мой прахъ
Въ злобѣ ищетъ;
Такъ отъ гнѣва его

И гоненья
Прилетаю молить
О спасеньи.

„Передъ утромъ золотымъ
Нынче въ небѣ я гулялъ
И паровъ летучій дымъ
Своевольно разгонялъ:
Легкимъ, чистымъ дуновеньемъ
Я обмёлъ со всѣхъ сторонъ
Для красавицы-Авроры
Темносиній небосклонъ;
Долго тамъ рѣзвился я;
Разбудилъ лѣса и горы.
Разбудилъ и соловья,
Чтобы Зореньки явленье
Возвѣстилъ веселымъ пѣньемъ.
Вотъ и Зоренька взошла:
Какъ красуется Денница!
Какъ привѣтлива, свѣтла
Беззакатная Царица!
Я ей кудри разсыпалъ
Брилліантовой струею,
Я ей перси накрывалъ
Полъ-воздушной пеленою.

„Разомъ туча громовая
Поднялась и понеслась:

Яркой молніей блистая,
Всѣ преграды разрушая,
Водопадомъ пролилась.
Разъяренный Ураганъ
Передъ тучею кружился,
Клокоталъ, кипѣлъ и злился
И бѣдой грозилъ тиранъ.

„Но тучкою сѣрою
Зарю я одѣлъ,
Съ молитвой и вѣрою
Вдаль отлетѣлъ.

„Вдругъ завылъ, застоналъ
Ураганъ роковой,
Что Денницу я скрылъ
За туманной фатой,
Что не могъ красотой
Любоваться живой:
Вотъ помчался за мной,
Ужъ меня настигалъ,
Ужъ за крылья хваталъ,
Но я скрылся стрѣлой
Въ твой пустынный покой!“

Малютка-другъ,
Златой Зефиръ,
Лети назадъ
Ты въ свой эѳиръ:

От҃ бури тутъ
Спасенья нѣтъ,
Веселья здѣсь
Угасъ и слѣдъ;
Въ душѣ моей,
Для всѣхъ чужой
И въ сердце — бурь
Свирѣпыхъ вой;
И Ураганъ,
Твой злобный врагъ
Развѣетъ здѣсь
Твой нѣжный прахъ:
И онъ въ душѣ
Моей кипитъ —
Погибнешь, другъ,
Злодѣй не спитъ!
Лети-жъ опять
Въ родной эѳиръ,
Малютка-другъ,
Злотой Зефиръ!

ВРЕМЕНЩИКАМЪ.

Зачѣмъ, о люди, позабыли
Того, кто алчетъ, ищетъ васъ
Съ безумнымъ рвеніемъ любить?
Зачѣмъ презреньемъ надѣлили
Того, кто славою томимый,
Кто къ свѣтлой цѣли устремясь:
Свое безсмертьемъ озарить
Досѣль невѣдомое имя,
Когда-то можетъ вамъ подать
Вѣнецъ безсмертья, взнесть высоко
Иль, сердца согласясь съ выrокомъ,—
Къ челу холодному прижать
Вамъ отверженія печать??
Любви и дружбы святы узы
Питомцу дѣвственному музы!
Потомокъ поздній, можетъ, мой

За вашу дружбу, снисхожденье
Воздалъ-бы вамъ благодаренье!....

. . . .

Ахъ! оцѣните же заранѣ
Сиротку, городые вы люди!
Раздуйте искру ожиданья
И къ мраморной прижмите груди!
Онъ жаръ признательной души
На васъ сугубо изольетъ,
И имя ваше изъ глуши
На верхъ величья вознесетъ.

КЪ ЗЕРКАЛУ.

Скажи мнѣ, зеркало, однѣ-ль
Въ васъ страсти съ женщиной, иль ты
Умѣешь лучше отражать
И дольше въ сердце сохранять
Предмѣта милаго черты?
Скажи мнѣ, зеркало, въ тебѣ-ль
Искать мнѣ чувства отраженья,
Иль въ срдце женщины? Но въ ней
Найду-ли отблескъ тѣхъ идей,
Что поселяетъ вдохновенье,
Чѣмъ дышетъ сердца наслажденье?—
Въ тебя глядусь съ нѣмой тоскою:
Ты, мнится, дѣлишься со мною
Моими тайнами нѣмыми,
Моей печальною слезою
И вдохновеньями живыми;
Но точно-ль чувства сохраняешь
Въ своей бездонной глубинѣ?

Участье точно-ль принимаешь,
Свидѣтель вѣтреный во мнѣ,
И состраданія полна-ль
Твоя обманчивая даль?
Иль только хладно на меня
Глядишь и хладно молвишь ты:
Вотъ слѣдъ твоихъ страданій жгучихъ,
Вотъ искаженныя черты,
Вотъ ликъ, одѣтый мракомъ ночи,
И вотъ потухнувшія очи,
Слезой сожженныя горючей!
О! этаго душѣ моей,
Мой хладный другъ, не вспоминай:
Когда ты можешь—подѣляй
Мои глубокія несчастья;
А если нѣтъ, не раздирай
Души безжизненымъ участьемъ!
Не такъ-ли женщина со мной
Докучной дѣлится тоской,
И состраданія полна
Лишь по наружности она?
Не такъ-ки, каждое мгновенье
Мѣняетъ сердца выраженье?

Скажи-жъ, коварное стекло:
Съ-родни-ль ты женщинѣ, когда
Васъ вижу вмѣстѣ завсегда?
Что васъ сроднило и свело?

Не чувствъ-ли родственныхъ звѣно
Она въ душѣ хранитъ равно
Мгновенье образъ, какъ и ты;
Но лишь онъ съ глазъ, опять полно
Обычной сердце пустоты?
Зачѣмъ-же ѣдкая слеза
Порою тмитъ ея глаза,
Когда какъ ты всегда она
Свѣтла, блестяща, холодна....??

ВѢРОЧКѢ.

Какъ ты мила, какъ ты прелѣстна,
Какъ восхитительна, небесна!
Младая грудь полна огня—
Но грудь-волканъ не для меня!

Какъ ты воздушна, какъ игрива,
Какъ весела, какъ говорлива!
Ты величава, ты стройна—
Но пальма-станъ не для меня!

Какъ ты божественно-счастлива,
Какъ недоступно-горделива!
Ты обольстительна, страстна—
Но буря-страсть не для меня!

Какъ ты волшебна въ размышленьи,
Какъ вдохновительна въ моленьи!
Ты такъ высоко создана—
Но создана не для меня!

ПРОЩАЛЬНАЯ СЛЕЗА.

Прощальный блескъ слезы твоей
Разрушилъ міръ мой идеальный;
Мнѣ не забыть твоихъ очей,
Мнѣ не забыть слезы прощальной.

Печальный звукъ твоихъ рѣчей
Былъ сердцу звукомъ погребальнымъ.
И начерталъ въ душѣ моей
Скрижали повѣсти печальной,

Заря младенческихъ страстей
Блеснула намъ свѣчой вѣнчальной;
Но свѣтлый пламенникъ идей
Залитъ на вѣкъ слезой прощальной!

ТАЙНЫЯ ПЕЧАЛИ.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Есть сердца тайныя печали,
Есть бурной молодости сны:
Имъ выраженья не даны,
Еще ихъ люди не назвали;
Они, какъ тайное моленье,
Какъ свѣтлой музы вдохновенье
Въ душѣ таиться суждены
И отъ безчувственаго свѣта
Въ груди возвышеной поэта
Судьбой на вѣкъ погребены.
Но вамъ печали тѣ давно
Ужъ сердце высказать стремится:
Его стихія—вы; оно
Тѣмъ упоительно гордится;
И еслибъ вы когда нибудь
Могли мнѣ въ сердце заглянуть,

То вѣрно-бы тогда скрижали
Любви таинственой моей,
Всю повѣсть грустную страстей,
Всѣ сердца тайныя печали
На днѣ его вы прочитали.

ЭПИТАФІЯ.

I.

Пройдутъ по камнямъ гробовымъ
Чредой младыя поколѣнья,
И смѣнятъ насъ, уступимъ имъ
Новѣйшей жизни наслажденья;
Но часъ урочный прозвучитъ,
И все что сердцу было мило,
И все что сердцу въ жизни льстило—
Земля мгновенно поглотитъ.

II.

Отшелецъ за предѣлы свѣта!
Прими, невѣдомая тѣнь,
Въ свою таинственую сѣнь
Слезу незнаннаго поэта!

БАСНИ.

I.

ВИНОГРАДЪ.

Арабы говорятъ: когда Адамъ
Щепилъ отростки винограда,
Тогда владыка ада,
Взялся безъ просьбы, самъ,
Помочь Адамовымъ трудамъ
И плодъ губительный лелѣять,
Чтобъ новый грѣхъ въ землѣ посѣять.
И тутъ-же кровью павы вѣтвь полилъ.
Когда-жъ трудъ въ прокъ имъ послужилъ,

И вѣтка укрѣпилась
И зеленью покрылась,
Бѣсъ спрыснулъ кровью обезьяны.
Явились ягоды: Бѣсъ плодъ желанный
Ужъ львиной кровью оросилъ;
Когда-жъ дозрѣли—чередою
Ихъ спрыснулъ кровiю свиною.
И что-жъ творятъ у насъ съ бѣсовскимъ зельемъ?
А вотъ: когда кто вытянетъ одинъ
Стаканъ, то пѣтушится, какъ павлинъ,
Надуется и гордъ; когда-жъ другой:
Какъ обезьяна прыгаетъ въ весельи,
По пятой чарѣ, по шестой
Ярится, будто левъ; а по осьмой
Простой становится с......

II.

ДУША И ТѢЛО.

Душа разъ тѣлу говорила:
„Когда-бъ не я,
Давно-бъ уже въ землѣ ты гнило,
Давно-бъ уже твой прахъ
Въ шести разсыпался доскахъ!“
—„Да правда, другъ, твоя“—
Тутъ смѣло
Ей отвѣчало тѣло:
—„Тобой лишь мы нѣжны и хороши;
Но мало-ль тѣлъ на свѣтѣ безъ души!“—

(съ польскаго)

Ѳ. К. Т....ну.

ПРИ ПОСВЯЩЕНІИ ЕМУ НѢКОТОРЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

Угасшій факелъ упованья,
Изсякшій дивнаго родникъ!
Приди ко мнѣ, забудь на мигъ
Свои безмолвныя страданья!
Близь сердца молодаго друга
Забудь всѣ давнія мученья,
Отъ закоснѣлаго недуга
Найди на мигъ хоть изцѣленье!
Въ твоихъ глазахъ я взросъ, взрастилъ
Души младенческія чувства
И первый ты меня дарилъ
Святою дружбой безъ искуства,
Ты первый сердца моего
Читалъ надежды золотыя
И слушалъ звуки молодые
Созданій дѣвственыхъ его.

Въ твоихъ глазахъ я примѣчалъ
Отрадный пламень одобренья,
Когда перу я довѣрялъ
Плоды младого вдохновенья.
Одинъ, быть-можетъ, только ты
Умѣлъ цѣнить мое призванье,
Согрѣть душевныя мечты
И развѣтвить мои желанья.
Когда-бы ты, отъ дѣтства дружный
Со мной, зородыша идей
Во мнѣ отъ дѣтства не хранилъ,
Тогда-бъ на вѣкъ я погасилъ
Поэзьи лучь въ душѣ моей;
Тогда-бъ души не облегчилъ
Порой стихомъ моимъ досужнымъ,
Въ глуши заглохъ-бы одинокъ,
Какъ поля дикаго цвѣтокъ.
Тебѣ обязанъ я мечтами
И тихой жизни наслажденьемъ:
Цвѣты высокихъ вдохновеній
Ты дружбы согрѣвалъ крылами
И жизни дѣвственой терпѣнья
Усыпалъ яркими цвѣтами;
Теперь за все спѣшу излить
Отъ сердца чистаго признанье!

От дѣтства нѣжнаго ты пить
Сталъ чашу жизни роковую:
Въ нее судьба старалась лить
По-каплѣ горечь огневую;
Надежды якоремъ разбитымъ
Ты развѣнчалъ свои желанья,
Судьба всѣ дни твои травила
Дыханьемъ змѣя ядовитымъ;
Но ты незыблемъ былъ: въ страданьи
Души не колебалась сила;
Судьба удары притупила,
Разсвирѣпѣвъ, она въ безсильи
Отъ несразимаго бѣжала,
Измяла бѣдственныя крылья
И злыя притупила жала:
Какъ звукъ оторваной струны
Вдали погибла темнымъ звукомъ,
Какъ всплескъ клокочущей волны
О грудь холодную гранита,
Ея безсильныя усилья
Во прахъ разсыпались, разбиты.

Такъ! жизнь твоя была—страданье,
И колыбель твоя—печаль;
Вся жизнь мелькнула въ ожиданьи
Чего-то лучшаго; любить

Ты никогда, мой идеалъ,
За желчь людей не уставалъ;
Не улыбалась обольщеньемъ
Тебѣ безрадостная даль;
Ты увѣнчалъ себя терпѣньемъ,
Передъ людьми ты не стоналъ,
Участья ихъ, какъ подаянья,
Ты гордымъ сердцемъ не просилъ,
Но лишь украдкою тужилъ,
Да молча слезы поглощалъ;
А мы, младое поколѣнье,
Въ безмолвіи только удивлялись
Какъ грозной бурей разражались,
Надъ головой твоей страданья,
И какъ сносилъ ты ихъ съ терпѣньемъ!

И я умѣлъ тебя цѣнить,
Умѣлъ печаль твою дѣлить,
Постигъ незыблемую душу
И храма дружбы не разрушу!

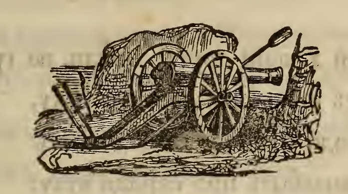
Теперь скажи, товарищь, мнѣ-ли,
Тебѣ, развалинѣ живой,
Отъ беззаботной колыбели
Всегда гонимому судьбой,
Отъ сердца чистаго подать
Сосудъ цѣлительной отрады?

Нѣтъ! утѣшать тебя на мнѣ:
Лишь въ ясной неба вышинѣ
Должна тебѣ теперь блистать
Звѣзда плѣнительной награды!

Но близко, близко милый брегъ,
Гдѣ, послѣ странствій безпріютныхъ
О дняхъ твоихъ забудешь смутныхъ
И кончишь свой печальный бѣгъ!
Сойдемся всѣ, забудемъ горе,
Въ титулахъ, званіяхъ сравнимся,
Житейское забудемъ море,
И новымъ моремъ насладимся!

Прими-жъ теперь, товарищь мой,
Досуги юнаго пера!
Тебѣ ихъ пламеной душой,
Любовью пламенной горя,
Давно стремлюся посвятить;
Порой прочтешь въ досугѣ ихъ,
Порой минувшей жизни нить
Вспомянетъ тебѣ мой стихъ;
Ты, ихъ читая, не забудешь
Меня и музѣ ты простишь,
И недостатки не осудишь
И въ память дружбы сохранишь.
Ты мнѣ въ терпѣніяхъ—урокъ,

Съ тебя пишу черты героя.
Пускай теперь грозитъ мнѣ рокъ
Печалью вѣчной; я же, стоя
Въ бѣдахъ неколебимъ, скажу:
„Смѣюсь судьба твоимъ ударамъ,
Я ихъ терпѣньемъ отражу,
Нетрать своихъ усилій даромъ:
Мнѣ подалъ другъ урокъ высокій,
Онъ вдохновилъ меня собой,
Любилъ признательной душой
И я смѣюсь тебѣ жестокой!

ОТВѢТЪ

И. Ф. М—РУ НА ЕГО ПОСЛАНІЕ.

Мой лучшій другъ, приди, на грудь
Мнѣ пололожи свою ты руку,
Приди отъ грусти отдохнуть
И позабыть про сердца муку:
Я подѣлялъ не-разъ съ тобой
Небесъ подарокъ-вдохновенье,
Восторги сердца и мученья,
И всѣхъ надеждъ тщеславныхъ рой,
Протекшихъ рѣзвою толпой,
Мелькнувшихъ молньей наслажденья.
Тебя я понялъ, другъ мой милый,
Я оцѣнилъ твои печали
И утиралъ не-разъ уныло,
Когда изъ глазъ твоихъ бѣжали

Живыя слезы отчаянья;
Ахъ! рано тайныя страданья,
Мой упоительный пѣвецъ,
Сближаютъ дней твоихъ конецъ
И гасятъ факелъ упованья!
Ты вянешь жизни на зарѣ;
Постигнулъ я твои утраты:
Въ такой блистательной порѣ
Давно въ незыблемыя латы
Грудь заковалъ ты отъ людей,
И рано свѣтъ твоихъ идей
Слезой отравленою моешь;
Но подъ личиною холодной
Ты пламень страсти благородной
Глубоко въ чистомъ сердцѣ кроешь.

Какъ вздохъ любви и мечь кровавый,
Какъ дикій камень и слеза,
Какъ говоръ моря одичалый
И неба тихая роса—
Различны мы въ своихъ твореньяхъ:
Какъ *Мейербэръ*, ты вдохновенья
Въ суровыхъ пѣсняхъ ищешь бури,
Когда по дремлющей лазури
На крыльяхъ мчится разрушенья;
Въ темницахъ, дебряхъ и лѣсахъ,
Въ угрюмомъ затишѣ кладбища
Всегда находишь наслажденье;

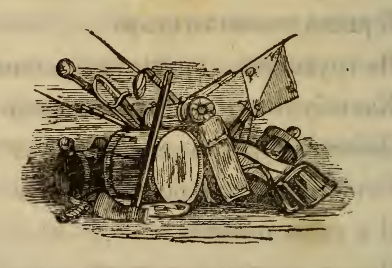
Читаешь тайны вѣковыя
Вѣковъ минувшихъ въ пепелищѣ,
И, съ умилительной слезою
Въ разочарованыхъ глазахъ,
Поешь ты намъ про дни былые
Въ очаровательныхъ стихахъ.
Я, какъ *Беллини*, вдохновенья
Ищу въ пылу большаго свѣта:
Средь залъ блистательныхъ, гостинныхъ,
Обѣдахъ званыхъ, вечерахъ,
Большихъ, томительныхъ и длиныхъ,
Иль въ упоительныхъ пирахъ
И обольстительномъ балетѣ.
Предмѣтъ твоихъ стиховъ—печаль,
Тоска, раздумье гробовое
И на людей всегдашній жаль;
Моихъ—веселье молодое,
Покуда бѣдъ грядущихъ сила
Еще доселѣ не разбила
Созданій дѣвственыхъ скрижаль.
Твой геній грозенъ: онъ глядитъ
На свѣтъ кровавыми глазами
И страшнымъ лезвеемъ грозитъ;
Твой геній — смерть, а мой—младенецъ,
Съ златыми, пышными кудрями,
Рѣзвится веселъ межъ-цвѣтами,
И, улыбаясь безмятежно,

Онъ, вдохновительно и нѣжно,
Глаза, какъ небо голубые,
На небо синее возводитъ,
Восторги сердца неземные
На сердце тлѣнное наводитъ.

Ты разгадалъ меня, поэтъ,
И, безутѣшною душою,
И распаленной головою
На грудь мою, пришелъ, склонился,
Какъ-будто въ пристань одинокъ,
Забитый бурею челнокъ,
Отъ страшной бури приютился.
И я умѣю оцѣнить
Небесъ высокихъ свѣтлый даръ,
И не умѣю потушить
Твоей груди священный жаръ;
Напротивъ, братски сохраню,
Взращу, раздую и согрѣю
Души высокую идею,
Мою всю душу перелью
Въ твою отравленую душу,
И, вѣрный клятвѣ на всегда,
Священной клятвы не нарушу.

Такъ пусть-же, грустный мой поэтъ,
Тебя раздумье не тревожитъ:

Тебя узнаетъ гордый свѣтъ
И пальму первенства предложитъ;
Но, разгадавъ твои созданья,
Тебѣ за чувство въ воздаянье,
О мой отчужденый пѣвецъ!
Потомство лавровый вѣнецъ
На бюстъ торжествено возложитъ!

ГОРНЫЙ МОНАСТЫРЬ. *

ПРЕДАНІЕ.

ЧАСТЬ Iя.

I.

Привѣтствую тебя, священный храмъ,
Преддверье путнику земному въ небеса!
Къ твоимъ увѣнчанымъ холмамъ,
Въ твои пріютные лѣса

* Монастырь на горѣ „Карчувкѣ“ въ Ц. Польскомъ, въ верстѣ отъ Г. Келецъ.

Спѣшу душею отдохнуть,
Спѣшу забыть мои волненья,
И къ небу чистыя моленья
Вознесть и радостно вздохнуть.
Привольно на горѣ высокой
Священной думою горѣть,
Привольно къ родинѣ далекой
Душой взволнованой летѣть,
И, вдаль ширяя грустнымъ окомъ,
Творцу покорный гимнъ воспѣть.
Какъ живы тутъ воспоминанья,
Какъ вдохновительны мечты!
Полна страна очарованья,
Полна высокой красоты;
Душа невольно восхитится,
Картина дивна и богата
И свѣтомъ тихаго заката
Волшебно, нѣжно золотится.
Вдали, какъ миртовый вѣнокъ
Чело невѣсты обвивая,
Гирланда лѣсу молодая
Одѣла пасмурный востокъ;
Внизу, какъ лента дорогая,
Разнѣжась въ ложѣ дерновомъ
Вздремнула рѣчка голубая
Подъ неба меркнущимъ шатромъ;
Вознесшись сумрачнымъ челомъ,

Изъ праха горы утекли
Къ свободнымъ, вольнымъ облакамъ,
Какъ-бы приволье видя тамъ,
Какъ-бы чуждалися земли.
А тамъ бѣлѣютъ полосами,
Между ущельями мелькая,
Пути широкія вдали
И исчезаютъ за горами.
Картины дивенъ колоритъ,
Ничто его не нарушаетъ;
Спустилась мгла со всѣхъ сторонъ,
Внизу одинъ, не умолкая,
Мятежный городъ лишь шумитъ,
И вечера унылый звонъ
Картины прелѣсть довершаетъ.

II.

Вотъ ужъ смерклось, задремала
Вся окрестная страна,
И сквозь сонъ порой внимала
Звонкой пѣсни соловья;
Но сквозь ночи покрывало
Въ бѣломъ саванѣ сіяла,
Неприступна и страшна,
Монастырская стѣна,
Да на темныхъ небесахъ
Только плавала одна

Другъ задумчивыхъ-луна.
Перелетный вѣтерокъ
Дикимъ розамъ шепчетъ страстно
О любви своей напрасно:
Нечувствителенъ цвѣтокъ
Къ поцалуямъ сладострастнымъ,
Но живительной росою,
Будто тайною слезою,
Обливая лепестки,
Тихо прячется въ листки.
Страстно дремлетъ тишина
На груди весенней ночи!
Обольстительна, нѣжна,
Какъ невинной дѣвы очи!
Только громкій соловей
Тѣшитъ пѣснію своей,
Только, пѣсни той внимая,
Струйка рѣчки голубая
Въ тактъ обрегъ порой плескаетъ,
Только сторожъ на стѣнѣ
Мѣрно въ доску простучитъ,
Только филинъ на соснѣ
Погребально прокричитъ,
Вѣрный песъ порой залаетъ,
Крикнетъ утка на волнѣ
И опять все дремлетъ сладко;
Но изъ дальняго окна

Проникаетъ чуть украдкой
Свѣтъ задумчивый лампады,
И молитвеный напѣвъ
Тихо лѣса въ глубь промчится
И умолкнетъ межъ-деревъ.
Можетъ грѣшникъ тутъ томится,
Для души прося отрады....

Вѣковалое преданье
На сѣдыхъ живетъ стѣнахъ:
Мнится, слышно на скалахъ
Мнѣ отшельника стенанье,
Мнится, гроба кинувъ сѣнь,
Неоплаканая тѣнь
На скалѣ стоитъ въ слезахъ.

III.

Давно, за много дней и лѣтъ,
Во цвѣтѣ юности живой,
Стѣнамъ обители святой
Себя обрекъ анахоретъ.
На вѣки дни онъ посвятилъ
Суровой жизни заключенью,
Убилъ блистательную младость,
И въ хладной кельи схоронилъ
Годовъ летучихъ наслажденья.

Ужъ юности безпечной сладость
Ему невѣдома была;
Младая жизнь его текла,
И, какъ печальный блескъ лампады,
Она мерцала безъ отрады.
Онъ былъ бездомнымъ сиротою,
Съ родимой лаской не знакомъ,
И рано съ горькою слезою
И злою грустью породнился;
Людьми забытый, въ Божій домъ
Навѣкъ страдалецъ заключился.
Сначала вѣра предала
Печаль отшельника забвенью
И бурю сердцу подавила;
Но съ новымъ вдругъ ожесточеньемъ
Опять страдальца посѣтила
Давно забытая тоска,
Явилась гостья безъ призванья
И разъяреннѣе терзать
Отшельца, злая начала
И на челѣ бразды страданья
Свирѣпо, злобно провела.

Зачѣмъ, отшельникъ молодой,
Слеза сдружилася съ тобой?
Зачѣмъ и дни и долги ночи
Ее на хдадный камень льешь?

И упоительныя очи,
Какъ лавой пламенною, жжешь?
Какая вѣсть въ груди, какъ ножъ,
Тебя такъ алчно пожираетъ
И міръ младенческихъ надеждъ
Такъ злобно въ сердцѣ разрушаетъ?
Увы! невластно отражать
Младое сердце никогда
Любви стремительной удары,
И обольстительныя чары
Очей не всилахъ отклонять,
Но покорится имъ всегда.
Порой навѣкъ осуждено
Въ тоскѣ безрадостной оно
Томиться, гаснуть и страдать.
Какъ змѣй, отшельникову кровь
Сосала лютая любовь.

IV.

Давно ужъ Бренда молодая,
Давно съ другимъ обручена,
Но тайно въ духѣ презирая
Его, томилася она
Любви къ отшельнику полна.
Не-разъ спасительнымъ словамъ

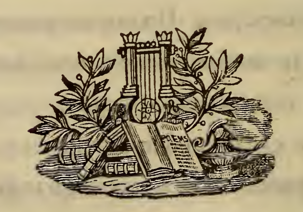
Его во храмѣ здѣсь внимала,
Его душа въ словахъ блистала,
Сіялъ обширный, свѣтлый умъ,
И съ тѣхъ поръ тайныхъ дѣвы думъ
Онъ сталъ единственнымъ предмѣтомъ.
И, навѣщая всякій день
Обители святую сѣнь,
Она молиться тамъ любила,
И у подножья алтаря,
Полна любви, надежды, страха,
Безумнымъ пламенемъ горя,
Себѣ отраду находила,
Не долго крылись отъ монаха
Ея безмолвныя страданья:
Онъ съ тайнымъ сердца содроганьемъ
Прочелъ ея мученій повѣсть
И въ юномъ сердцѣ погасилъ
На мигъ проснувшуюся совѣсть.
Зардѣла свѣтомъ обновленья
Отшельцу сладостная даль;
Онъ вѣчно дѣвѣ посвятилъ
Младой души своей скрижаль;
Но непонятная печаль
Его убійственно терзала
И средь святого поученья
Теченье рѣчи прерывала.
Душа земнаго наслажденья

Въ земной любви теперь искала;
Но за плѣнительныя чары
Небесъ страшилась грозной кары
Въ Святое Утро пробужденья!
И страсть преступная сильнѣй
Ума холоднаго и ей
Отшельникъ слѣпо покорился,
Забыто все—его алтарь
Въ другомъ ужъ сердцѣ заключился,
Страстей губительный пожаръ
Не могъ ничѣмъ быть потушенъ
И свѣтлый краснорѣчья даръ
Преступнымъ чувствомъ заглушенъ.

V.

Тянулись дни. Полна желаньемъ,
Всегда несбыточнымъ и новымъ,
Чета печальная страдала,
Но не кляла любви оковы
И страсть свою благословляла.
И часъ условленый свиданья
Взаимно былъ определенъ:
Бывало лишь полночи звонъ
Съ нагорной башни пронесется,
Отшельникъ съ кельей разстается,

Летитъ и жадныя лобзанья
Потокъ замѣнятъ страстныхъ словъ,
И безпредѣльная любовь
Сердца наполнитъ обаяньемъ.—
Отшельникъ юноша! твои
Сбылися грѣшныя желанья;
Но всѣхъ надеждъ твоихъ рои
И всѣ летучія мечтанья
Струею молніи мелькнутъ,
И, какъ убійственный свинецъ,
Глубоко сердце прососутъ;
Надеждъ сіяющій вѣнецъ
Съ чела безпечнаго сорвутъ
И, кара Божьяго Суда
Постигнетъ грѣшника всегда!

ЧАСТЬ II^я^.

I.

—„О, родная моя!
Пощади, пощади
Сердце дочери: я
Затаила въ груди
Бурю злого огня;
Смерть таится въ крови,
Угасаю одна,
Допивая до дна
Чашу горькой любви!
Мой безжалостный рокъ
Нить моихъ лучшихъ дней,

Мать, на лонѣ твоемъ,
Посѣкаетъ быстрѣй,
Чѣмъ весенній цвѣтокъ
На коврѣ луговомъ.

„О, родная моя!
Не тверди, не тверди,
Чтобъ исторгнула я
Изъ дѣвичей груди
Пламень страсти моей!
Прежде небо падетъ,
Прежде рухнетъ земля,
Чѣмъ порывы страстей
Хладный разумъ попретъ!
Развѣ грудь разорвешь,
Сердце вонъ извлечешь,
Перервешь жизни нить—
Тогда брошу любить.

„Растерзай дѣвичью грудь,
Вынешь сердце, съ нимъ печали,
Прочитай его скрижали
И потомъ скажи: „забудь!“—
Что лежитъ въ высокой груди:
Гробовой-ли хладный камень,
Иль — чего не знаютъ люди—
Бурной страсти лютый пламень?
(Ты увѣришся сама)

Скажешь мнѣ потомъ, давно-ли
Подлегаетъ сердце воли
Ледовитаго ума?—
Не кляни-жъ меня, родная,
И забыть не заставляй;
Ты не плачь, не умоляй:
Пусть, какъ травка увядая,
Я—ровѣстница цвѣтка —
У родного стебелька
Навсегда къ землѣ прильну,
Пусть, сраженная любовью,
Я моей дѣвичьей кровью
Искуплю мою вину.

„Ты-жъ, родная моя,
Не тверди, не тверди,
Чтобъ исторгнула я
Изъ дѣвичьей груди
Пламень бурныхъ страстей;
Затаила я въ ней
Бурю злого огня,—
Пусть и гасну одна,
Пусть допью ужъ до дна
Чашу горькихъ утратъ!
Не сули-же мнѣ, мать,
За могилою адъ:
Милліоны смертей
Я готова принять,

Лишь могла-бъ навсегда
Друга къ сердцу прижать,
И хоть вѣчно тогда,
Лишь-бы вмѣстѣ страдать!

II.

—„Мой лучшій другъ! не презирай
Меня съ любовію моей:
Въ душѣ внимательнѣй читай
Ты повѣсть грустную страстей.
Тебя я встрѣтила впервые,
Съ тобой слилася я душой;
Надежды сердца золотыя
Осуществилъ ты, ангелъ мой!
Но если-бъ могъ ты разгадать
Весь лютый адъ души моей,
Когда-бъ былъ всилахъ оторвать
Отъ сердца тѣхъ свирѣпыхъ змѣй,
Что съ кровью жизнь сосутъ дѣвицы,
Тогда-бъ ты, *хладный другъ*, постигъ,
Что кара Праведной Десницы
Меня постигла въ первый мигъ,
Какъ только я лишь полюбила....
Люби-жъ меня, мой лучшій другъ,

Стихія сердца и краса,
За чашу тѣхъ свирѣпыхъ мукъ,
Что я такъ радостно испила,
Люби, какъ солнце — небеса,
Какъ рыбка—воду, воздухъ—птица,
Какъ странникъ—свой родимый край....
Зачѣмъ грядущаго страшиться?
Пройдутъ года сердечной битвы;
Но только ты не презирай
Моей отчаяной молитвы
Отъ страстно преданнаго сердца!
Пускай безжалостные люди
Неволятъ прежнее забыть:
Нѣтъ, я съ упоромъ старовѣрца
Одно лишь давнее любить
Насильно буду и молитвы,
На-зло безчувственнымъ людямъ,
Однѣ лишь давнія твердить;
Послѣдній вздохъ дѣвичьей груди
Съ молитвой давнимъ образамъ
Охотно, страстно передамъ.

III.

—„Преступны страсти, знаю, знаю,
Любовь безумная безъ цѣли;
Я горько, бѣдная, страдаю;
Но самъ скажи, хранитель, мнѣ-ли
Тебя когда-нибудь забыть??
Быть-можетъ Царства за могилой
Тебя преступница лишила?....
О! знаю....жгучими слезами,
И не слезами—кровью мнѣ
Рыдать осталось на землѣ...
Возьми-жъ убійственый свинецъ—
(Я покорюсь моей судьбѣ)
Пошли терпѣнію конецъ,
Пробей приверженую грудь:
Отрадно будетъ мнѣ вздохнуть,
Губитель хладный, по тебѣ!"—

IV.

Въ полѣ травушка одна
Безталанно увядаетъ;
Тихо день-и-ночь она
Друга къ сердцу поджидаетъ;

Только сладкою росинкой
Обливается былинка.
Что горюешь ты, цвѣтокъ?
Что туманишься росою?
Цаловаться ужъ съ тобою
Не придетъ твой мотылекъ:
Для него уже прошла
Лѣта сладкая пора;
Нынче — въ полѣ одинокъ
Палъ, сраженный мотылекъ!

Въ рощѣ пташечка одна
Тихо, бѣдная, тоскуетъ,
Тихо день-и-ночь горюетъ,
Все ждетъ милаго она;
Обольется лишь слезинкой
Птенчикъ, горькій сиротинка.
Что горюешь, голубокъ?
Что туманишься слезою?
Цаловаться ужъ съ тобою
Не примчится твой дружокъ:
Для него уже прошла
Жизни сладостной пора;
Нынче—въ рощѣ одинокъ
Палъ, сраженный голубокъ!

Въ свѣтломъ теремѣ одна
Тихо дѣвица тоскуетъ;
Тихо день-и-ночь горюетъ,
Все ждетъ милаго она,
Только тихою слезинкой
Обольется сиротинка.
Что горюешь ты, дѣвица?
Что туманишься слезою?
Цаловаться ужъ съ тобою
Сладкій другъ твой не примчится:
Для него уже прошла
Чародѣйская пора;
Ныньче—въ цѣпи заключенъ,
Горько жизнь окончитъ онъ!

Ныньче, въ полночь, въ подземельи
Соберется тайный судъ
И на вѣкъ въ стѣнѣ тамъ келью
Судьи юношѣ дадутъ.
Ужъ ему не припадать
Къ груди пламенной твоей,
Не придетъ ужъ цаловать
Обольстительныхъ очей,
Чистымъ воздухомъ полей
Не придетъ ужъ подышать.
Въ гробѣ хладномъ тишина,
Ты страдай теперь одна;

И любви ничтожна сила:
Ни стенанья, ни заклятья
Ужъ не вырвутъ изъ объятья
Преждевремянной могилы.

Оскорбленная любовь
Мститъ убійственно порой;
Въ ней струею огневой
Злоба лютая кипитъ.
Твой отверженный женихъ,
Местью, ревностью горя,
Тайно въ сѣнь монастыря
Ночью позднею проникъ:
Съ инквизиторомъ, какъ тѣни,
У предательской сирени
Поцалуй подстерегли
И судилищу въ тотъ мигъ
На монаха донесли.
Ныньче, въ полночь, въ подземельи
Соберется тайный судъ,
И навѣкъ въ стѣнѣ тамъ келью
Судьи юношѣ дадутъ.

V.

—„Не плачь, родная, надо мною,
Не отягчай души упрекомъ!
Ужъ я слезы твоей высокой
Давно, преступная, не стою.
Я—ужъ раздавленная тварь,
Я — злобнѣй, алчнѣй крокодила:
Я кровью юноши облила
Души дѣвической алтарь!
Я—звѣрь, чудовище, убійца,
Я, какъ свирѣпая тигрица,
Его, въ награду за любовь,
До капли высосала кровь.....

Безумной я слыла въ народѣ....
Да! я безумною была!—
Прошли два бѣдственные года,
Я вновь къ страданьямъ ожила!—
Зачѣмъ безумье миновалось?
Зачѣмъ, родимая, старалась
Меня ты къ памяти опять
Привесть отъ хладнаго забвенья?
На то-ль, чтобъ я припоминала
Опять бывалое сначала?
Чтобъ вдвое бѣдная страдала?

На то-ль, что-бъ лютыя мученья
И всѣ страданія сильнѣй,
Изъ бездны памяти моей,
Изъ бездны сердца вызывала??..
Я прежде счастливѣй была:
Въ безумствѣ я-было забыла,
Что ненасытная могила
Навѣки милаго взяла!—
Зачѣмъ-же было разтравлять
Незаживающую рану,
Когда въ убійственномъ обманѣ
Я такъ ужъ счастлива была?
Отвыкла я-было страдать,
Отвыкла сердце раздирать.

Давно свершился приговоръ:
Страдальца-юношу убили,
Могильнымъ камнемъ завалили
Въ стѣнѣ церковной и запоръ
На долго скрипнулъ подземелья;
Съ-тѣхъ поръ дѣвичее веселье
Близь сердца друга схоронили,
Въ глазахъ моихъ ужъ не прочтешь
Его и факелъ погребальный
На мѣсто мнѣ свѣчи вѣнчальной
Теперь, родимая, зажжешь.

„Но смѣю-ль небу я молиться?
Отрады смѣю-ли просить?—
Зачѣмъ безплодными мольбами
Безплодно къ небу возноситься,
Когда горючими слезами,
И не слезами — кровью мнѣ
Осталось плакать на землѣ??....
Изъ сердца собственнаго пить
Мнѣ чашу смерти суждено.
Еще осталося одно:
За то Творца благодарить,
Что Онъ, хоть эти слезы мнѣ
Послалъ на краткое мгновенье
Души отравленой мученье
И совѣсть злую облегчить....
Оплакать сладко злую долю!
И какъ отрадно, какъ легко,
Когда наплачешься ужъ вволю!!
Зачѣмъ же другъ не перелилъ
Свои свирѣпыя терзанья
Въ меня, виновницу страданья?
О! для него я перенесть
Готова все была-бъ на свѣтѣ,
И въ жертву дѣвственныя лѣта
Съ охотой сладостной принесть!!

VI.

—„Не кори, святой отецъ,
Ты страдалицу унылую,
Что ужъ дни мои постылые
Я пресѣкла наконецъ!
Нынче смертоносный ядъ
Испила я, безталанная:
И до гроба безпрестанно я
На землѣ вкушала адъ.
Протекла моя весна
Безъ отрадъ и упованія;
Чашу горькую страданія
Допила я ужъ до дна!

VII.

—„Не долго счастію безпечному
Я предавалася душой:
Обречена я горю вѣчному
За пламень страсти неземной.
Сбылось предчувствіе ужасное:
Кругомъ исписана скрижаль;

Гдѣ-жъ ты, моя мечта прекрасная?
Зачѣмъ померкла сердца даль?
Теперь ужъ небо искупленія
Не дастъ страдалицѣ вкусить
И новой жизни наслажденія
Навѣкъ безумную лишитъ....

VIII.

—„Не тужи-же, мать
Безутѣшная,
И прости ты мою
Душу грѣшную!
Не вкушала я здѣсь
Чистой радости,
Умираю теперь
Въ цвѣтѣ младости.
Отъ рожденья всегда
Я любила тебя;
Не кляни-жъ, что сама
Я убила себя.
Скоро кончу мои
Всѣ страданія,
Близокъ тягостный часъ
Разставанія.
Не рыдай-же по мнѣ,
Мать печальная:

Недостойна слезы
Я прощальныя.
Не молись обо мнѣ,
Безталанная:
Я наслѣдую адъ,
Окаянная;
На челѣ вотъ печать
Отверженія:
Недостойна ужъ я
Сожалѣнія.

IX.

—„Мой развѣнчаный женихъ
Погубилъ меня, дѣвицу;
Но въ послѣдній жизни мигъ
Миромъ я дарю убійцу.
Такъ прости-жъ и ты, родная,
Плодъ невѣденья ему:
Онъ, предательски срывая
Пологъ тайны роковой,
Мнилъ, что только одному
Гробъ онъ недругу готовитъ,
Между-тѣмъ, какъ огневой
И моей напился крови....
. . . .
. . . .

X.

—„Свершилось, кончилися муки!
Уже мнѣ свѣта невидать.
Позволь-же, мать, свои мнѣ руки
Къ устамъ въпослѣднiй разъ прижать!
Прости .... за мигъ испепелитъ
Меня кипучая отрава:
Она въ груди моей, какъ лава
Разсвирѣпѣвшая кипитъ....
О, мать!... хоть собственой рукою
Приди мнѣ черепъ разверни,
Иль грудь дѣвичью разорви!!...
Скорѣй разстанусь я съ душою,
Скорѣй разрушусь навсегда....
Приди-жъ..въ послѣднiй призываю..
Прости... свершилось..умираю...
Увидимся...нескоро...никогда...
. . . .
. . . . !!“—

ЭПИЛОГЪ.

Прошли вѣка—лицо земли
Иные населили гости;
Своихъ попрали предковъ кости
И прахъ забвенью предали.
Теперь давно о грустной были
Потомки новые забыли;
Но былъ одинъ старикъ сѣдой,
Что помнилъ давнія преданья,
И часто младости живой
Былыя открывалъ дѣянья.
И младость жадная срывала
Временъ минувшихъ покрывало,
Порой задумывалась сладко,
Блестящій якорь опускала,

Порой слезу лила украдкой,
Томилась думою и вновь
Смѣясь, счастливая бѣжала,
Играя радугой цвѣтовъ.

Одѣта ризою лѣсовъ
Досѣль красуется гора;
На ней все тожъ, какъ въ-старину:
И стѣны тѣжъ монастыря,
И также красную весну
Игриво ласточка встрѣчаетъ
И тоже соловей ночной
Весенней розѣ напѣваетъ,
И горлинка въ глуши лѣсной
О томъ же тихо унываетъ;
Кругомъ черемуха цвѣтётъ,
Бѣлѣетъ груша полевая,
Подъ ней по-прежнему пасетъ,
Стада пастушка молодая.
Еще порой на темя горъ
Стремглавъ наѣздница взлетитъ,
И, отмахнувъ отъ шляпы флёръ;
Печальнымъ окомъ вдаль глядитъ;
Слеза тяжелая блистаетъ
На вдохновительной рѣсницѣ.
О чемъ наѣздница страдаетъ?
Далеко-ль мыслію стремится?

О радости-ль давно бывалой,
О дальней матери, сестрѣ,
Или о мо̀лодцѣ удаломъ
Она тоскуетъ на горѣ?—
Почемъ узнать и кто проникъ
Сердечный женщины тайникъ?
Не плачь-же, дѣва, не-равно
Твою слезу примѣтятъ люди:
Запрячь ты этотъ перлъ на дно
Твоей высокой, бурной груди!
Лети пустынною стрѣлой
Тоску размыкать въ чистомъ полѣ:
Тужить отраднѣе одной,
Поплакать сладостнѣй на волѣ.

ПРОЛОГЪ

ИЗЪ ОПЕРЫ:

„УНДИНА“.

(Театръ представляетъ глушь лѣсу; буря завываетъ, ломая деревья; въ глубинѣ сцѣны нагорный потокъ, дробясь, льется у подножія скалъ. Влѣвѣ море. Молнія.)

ИНТРОДУКЦІЯ.

УНДИНА (*показывается на скалѣ. Вѣтеръ играетъ съ платьемъ ея и волосами*).

Моя прекрасная, родная,
О, водъ завѣтныхъ глубина!
Равнина моря золотая
И ты, зыбучая волна!

Зачѣмъ, какъ перлу не хранили
Меня вы въ черной глубинѣ?
Зачѣмъ навѣкъ не схоронили
Пучины родственой на днѣ?
Зачѣмъ живую душу мнѣ
Крестомъ хотите искупить?
Зачѣмъ въ сіяющемъ огнѣ
Любви земной меня дарить
Безсмертной ищете душой,
Когда горючею слезой
Должна, быть-можетъ, буду я
Купить минуты бытія?

Я-бы въ васъ рыбкой
По влагѣ зыбкой
Быстро летала,
Перлы драгіе
Въ ясной стихіи
Я-бъ собирала,
Кудри златые
Въ кольца свитые
Въ нихъ убирала;
Въ бурномъ-бы морѣ
Не знала я горя
И слезъ-бы не знала,
Летала-бъ, летала, летала
Кручины и горя и слезъ-бы не знала,
Не знала, не знала!

(*При послѣднихъ словахъ* УНДИНА *перепрыгиваетъ со скалы на скалу*)

Тебя изъ волнъ я вызываю,
О, духъ всесильный, дядя Струй!
Пучиной водъ повелѣвая,
Оставь твоихъ прохладу струй!
Порадуй вѣстью оживленья
Приди, скажи мнѣ, духъ, когда
Заблещетъ свѣтомъ обновленья
Моя безсмертная звѣзда?

Ты разлучилъ уже съ родной,
Меня лелѣявшей волной:
Пошли-жъ невѣденью конецъ,
Подай безсмертія вѣнецъ,
Сродни меня, сродни съ другой,
Тобой обѣщанной душой!
Далеко-ль онъ, о дядя Струй,
Любви горячій поцалуй?

Въ небѣ раздольномъ,
Птичкой привольной
Я-бы играла;
Звѣзды златыя
Въ свѣтлой стихіи
Я-бъ собирала,
Кудри златые,

Въ кольца свитые,
Въ нихъ убирала,
Въ свѣтлой лазури
Стремительнѣй бури
Я-бы летала!
Летала-бъ, летала летала,
Кручины и горя и слезъ-бы не знала,
Незнала, не знала!
(Тоже движеніе)

Приди-жъ, тебя я вызываю,
О, духъ всесильный, дядя Струй!
Пучиной водъ повелѣвая,
Оставь твоихъ прохладу струй!

*(*УНДИНА *останавливается на скалѣ надъ потокомъ, изъ которато возстаетъ* СТРУЙ, *въ длинной серебряной одеждѣ съ такими-же волосами; чело старика обвито вѣнкомъ изъ осоки,* СТРУЙ *растетъ изъ воды, пока не сравняется съ* УНДИНОЙ, *стоящей на скалѣ; по мѣрѣ возрастанія его, изсякаетъ источникъ; когда-же* СТРУЙ *достигнетъ своей высоты, источника не остатся слѣда: какъ-будто онъ втянутъ.* СТРУЕМЪ. *Буря притихаетъ)*

ДУЕТЪ.

СТРУЙ.

Ундина, красота земная!
Теперь стихія голубая

Восплещетъ, радостью пылая,
Своей царевнѣ молодой,
Что ей въ удѣлъ дано одной
Блистать безсмертною душой!

УНДИНА.

Зачѣмъ живую душу мнѣ
Крестомъ, Струй, хочешь искупить,
Зачѣмъ въ сіяющемъ огнѣ
Любви земной меня дарить
Безсмертной ищешь ты душой,
Когда горючею слезой
Должна, быть-можетъ, буду я
Купить минуты бытія?

СТРУЙ.

Душа—высокое творенье,
Оттѣнокъ славы Божества;
Дано святое назначенье
Въ цѣпи ей свѣтлой естества:
Небесъ высокое созданье
По смерти тѣла суждено
На присносущное сіянье;
Ей смерти вѣчной не дано!
Бываетъ небо достояньемъ
Душѣ безсмертной, лишь когда,

Съ страстьми перенесетъ боренье,
Отвергнетъ жизни наслажденье,
И бремя бѣдствій и мученья
Съ терпѣньемъ, вѣрою снесетъ;
Не бойся, милая: туда
Одна лишь чистая слеза
На-вѣки душу вознесетъ.
Ты знаешь вѣщее преданье,
Что только тотъ враждебный духъ
Поступитъ въ свѣтлое собранье
Духовъ возвышенныхъ, чей духъ
Съ земной душой въ любви сольется
И кто Крещеніемъ Святымъ
Въ земное тѣло облечется
И станетъ странникомъ земнымъ.
Всѣхъ нашихъ бурныхъ водъ пучины
Тебя съ безсмертною душой
Желали видѣть и Ундинѣ
Не быть ужъ въ глубинѣ морской
Враждебнымъ духомъ: неба силы
Къ святымъ своимъ ее причтутъ
И изъ морской ея могилы
Къ звѣздамъ безсмертнымъ унесутъ.

УНДИНА.

Когда-жъ исполнятся, о мой
Безплотный дядя, предсказанья?
Сама не знаю что со мной,
Полна я страху и желанья!
О! облегчи, враждебный духъ,
Мои безмолвныя страданья!
Смягчи убiйственый недугъ —
Я истомилась ожиданьемъ.
Далекъ-ли тотъ желанный другъ,
Что сердцу кинетъ искупленье?
Надежды полонъ скорбный духъ,
А въ сердце крадется сомнѣнье!
Ты разлучилъ уже съ родной
Меня лелѣявшей волной!
Пошли-жъ невѣденью конецъ,
Подай безсмертiя вѣнецъ!
Сродни меня, сродни съ другой,
Тобой обѣщанной душой!
Далеко-ль онъ, о дядя Струй,
Любви горячiй поцалуй?

СТРУЙ.

Я разлучилъ уже съ родной
Тебя лелѣявшей волной;

Пришелъ невѣденью конецъ:
Подамъ безсмертія вѣнецъ!
Сродню тебя, сродню съ другой,
Давно обѣщанной душой;
И близокъ онъ, ужъ не тоскуй,
Любви горячій поцалуй.

УНДИНА. СТРУЙ. *(Вмѣстѣ).*

Сродни меня, сродни съ другой,
Тобой обѣщанной душой;
Далекъ-ли онъ, о дядя Струй,
Любви горячій поцалуй?—
Въ небѣ раздольномъ
Птичкой привольной
Я-бы играла,
Звѣзды златыя
Въ свѣтлой стихіи
Я-бъ собирала,
Кудри златые,
Въ кольца свитые,
Въ нихъ убирала,
Въ свѣтлой лазури
Стремительнѣй бури,
Я-бы летала,
Летала-бъ, летала, летала,
Кручины и горя и слезъ-бы не знала,
Не знала, не знала!

Сродню тебя, сродню съ другой
Давно обѣщанной душой;
И близокъ онъ, ужъ не тоскуй,
Любви горячій поцалуй.
Въ небѣ раздольномъ
Птичкой привольной
Будешь играть ты;
Звѣзды златыя
Въ свѣтлой стихіи
Будешь сбирать ты,
Кудри златые,
Въ кольца свитые,
Въ нихъ убирать ты;
Въ свѣтлой лазури
Стремительнѣй бури
Будешь, летать ты.
Летать, летать, летать,
Кручины и горя не знать,
Не знать, не знать.

ФИНАЛЪ.

СТРУЙ.

Возстань, возстань, возстань
Изъ дебрей, безднъ и водъ,
Духовъ враждебныхъ родъ!
Предстань, предстань, предстань

Тотчасъ передо мной,
Духовъ безплотный рой!
Властителя призывъ
Услышь изъ глубины
Безбрежной стороны!
Пріютъ свой опустивъ,
Предстань передо мной,
Чудовищъ грозный рой!

(Отвсюду показываются духи: Сильфы, Ундины, Феи, Саламандры, Чудовища, Гномы. Музыка дикая).

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Владыка безплотныхъ духовъ!
Послушны мы волѣ твоей:
Отъ неба златыхъ облаковъ,
Отъ бурной пучины морей,
Отъ пламени—сердца земли,
На зовъ твой могучій пришли;
Послушны мы волѣ твоей,
Владыка зыбучихъ морей!

(Духи останавливаются группами по родамъ своимъ.)

ХОРЪ СИЛЬФЪ.

Быстро летая въ воздушныхъ зыбяхъ,
Весело съ вѣтромъ рѣзвились мы въ тучахъ;
Легкимъ зефиромъ по влагѣ зыбучей
Мы уносились на солнца лучахъ.

Прохладу горнихъ струй
Оставивъ на мгновенье,
Твое, властитель Струй,
Исполнимъ повелѣнье!

ХОРЪ ЧУДОВИЩЪ и ГНОМОВЪ.

Мракъ преисподній таилъ въ глубинѣ
Насъ подземельной; мы радость вкушали:
Черною тучею въ бурѣ летали,
Злато копали пучины на днѣ.
Подземныхъ нѣгу струй
Оставивъ на мгновенье,
Твое, властитель Струй,
Исполнимъ повелѣнье!

ХОРЪ ФЕЙ и УНДИНЪ

Быстро ныряя въ кристальныхъ зыбяхъ,
Мы, веселяся, весельемъ плѣняли,
Легкимъ зефиромъ по влагѣ порхали,
Нѣжно играли на пышныхъ волнахъ.
Прохладу водныхъ струй
Оставивъ на мгновенье,
Твое, властитель Струй,
Исполнимъ повелѣнье.

ХОРЪ САЛАМАНДРЪ.

Быстро летая въ огнистыхъ зыбяхъ
Весело въ пламени мы уносились,
Токомъ огнистымъ мы въ безднахъ струились
Огненной бури неслись на крылахъ.
Огнистыхъ нѣгу струй,
Оставивъ на мгновенье,
Твое, властитель Струй,
Исполнимъ повелѣнье.

ОБЩІЙ ХОРЪ.

Родныхъ приволье струй
Кидаемъ на мгновенье,
Твое, властитель Струй,
Исполнимъ повелѣнье!

(*Новый живописный перелетъ духовъ на другія мѣста*).

СТРУЙ.

Внимай, враждебный сонмъ духовъ,
Велѣнью грозному владыки:
Лишь только рыцарь здѣсь Гульбрандъ
Въ глухую чащу въѣдетъ лѣса—
Стихіи всѣ вооружите,
Къ рыбачьей хижинѣ, на брегъ
Морской его вы привлеките,

Пути древами и водой
Лѣсные тотчасъ заградите,
И страхъ, чудовища, тогда
Вы въ душу рыцаря вселите,
Кругомъ неистовой толпой,
Духи подземные, пляшите,
Одну лишь къ хижинѣ тропу
Ему вы только проложите.
И бурное море потомъ вы взбурлите,
И грозную бурю кругомъ поднимите,
И хижину моремъ тотчасъ окружите,
Отъ твердой далеко земли отдѣлите
Летите, летите,
Враждебныя силы!
И море взбурлите;
Бездонной могилой
Герою грозите!
Грозите, грозите!
Летите, летите,
Безплотныя силы!

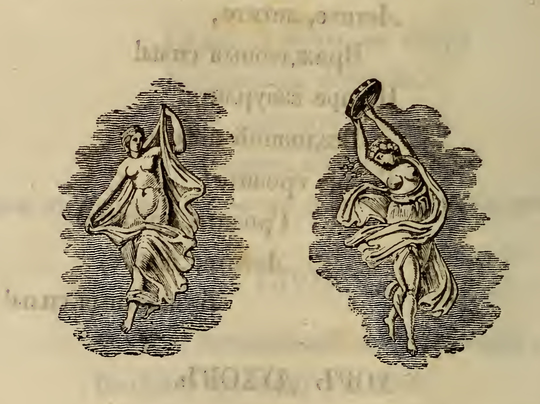
ХОРЪ ДУХОВЪ.

Владыка безплотныхъ духовъ!
Послушны мы волѣ твоей:
Отъ неба златыхъ облаковъ,
Отъ бурной пучины морей,
Отъ пламени—сердца земли,

На зовъ твой могучій пришли.
Послушны мы волѣ твоей,
Владыка зыбучихъ морей.
    Родныхъ приволье струй
    Кидаемъ на мгновенье:
    Твое, властитель Струй,
    Исполнимъ повелѣнье!

БАЛЕТЪ.

(Буря завываетъ сильнѣе. Духи разлетаются.)

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ДРАММАТИЧЕСКОЙ ФАНТАЗІИ ВЪ XI. НОЧАХЪ:

„ДЕМОНЪ И ЖЕНЩИНА".

I.

ИЗЪ ПЕРВОЙ НОЧИ.

Бѣдная хижина. Ночь.

—

АНГЕЛЪ СНОВИДѢНІЙ. СПЯЩАЯ ДѢВУШКА.
ДЕМОНЪ.

АНГЕЛЪ СНОВИДѢНІЙ *(летитъ, напѣвая).*

Склонитесь, лечу я
Изъ райскихъ селеній,
Къ вамъ, люди, несу я
Бальсамъ сновидѣній;
Въ безбрежной лазури
Надъ вами парю я,
Отъ жизненой бури,

От скорби врачуя,
На вас изцѣленье
Въ златомъ сновидѣньи
До утра пролью я;
Чья-жъ, люди, рѣсница
Слезою одѣта,
Въ чьей груди таится
Страданье отъ свѣта,
И кто, унывая,
Не можетъ забыться,
Тому въ сновидѣньи
Подамъ утѣшенье—
Напитокъ дамъ рая:
Пусть хоть до разсвѣта,
Хотя на мгновенье,
Забудетъ мученья!...
Такъ спите-же, люди:
Ночь скоро минуетъ,
Печаль забунтуетъ
Опять въ вашей груди!!...
(Летитъ)

Здѣсь ложе дѣвушки, здѣсь крестъ
Блеститъ надъ ложемъ и вѣнокъ;
Не опозоритъ этихъ мѣстъ
Дыханьемъ бѣдственымъ порокъ!
Покойся-же и въ небѣ думой

Носися радужною, дѣва!
Не знаешь скорби ты угрюмой,
Страстей не вѣдаешь напѣва...
Быть-можетъ, завтра-же конецъ
Придетъ дѣвичьему веселью,
Быть-можетъ, завтра тайно въ келью
Къ дѣвицѣ вкрадется тоска,
Поблекнетъ радостей вѣнецъ
Въ коронѣ милаго цвѣтка,
Увянутъ розы на щекахъ,
Померкнетъ ясный свѣтъ въ очахъ.

Спи долго, сестрица,
Спи сладко и мило:
Пусть счастіе снится,
Пока не открыла
Ты влажныя вѣки
Для слезъ-разрушенья,
Для долгихъ мученій;
Спи—радость не вѣки!

Спи, невинное дитя!
Развивай свои мечты
Вдохновительно, шутя;
Сыплю разовые сны,
Будто нѣжные цвѣты,
Даръ плѣнительной весны,
Необлитые слезою,

Беззаботные, какъ ты!—
Предавайся-же покою,
Луга мирнаго цвѣтокъ!
Спи—не скоро злобный рокъ
Подаритъ тебя другою
Ночью мирною такою—
Спи!!....

ДЕМОНЪ *(съ другой стороны).*

Нѣтъ, не спи, душа-дѣвица,
Кто-то позднею порой
Въ двери—слышишь-ли—стучится....
Пробудись-же—за дверями
Твой тебя красавецъ ждетъ,
Жаждетъ видѣться съ тобою;
Онъ обильными струями
Слезы жалостныя льетъ;
Отопри-жъ, иль пролетитъ
Ночи тайное мгновенье,
Злобный пѣтелъ прокричитъ,
Близко зореньки явленье,
Солнце ясное взойдетъ....
Дѣва! день ужъ настаетъ!
(Послѣ молчанія)

А знаешь-ли, дѣва, ты роскошь лобзанья,
Тотъ пламень объятій, томленія сладость?

О! стоитъ купить ихъ и вѣкомъ страданья, —
Одна лишь намъ въ жизни назначена младость!
Разъ въ жизни даются младыя душѣ обаянья:
Съ лѣтами-жъ настанетъ, мой другъ, и пора
Въ поступкахъ былыхъ раскаянья!....
Проснись-же, дѣвица, иль скоро заря
Блеснетъ на востокѣ. Ночь нѣгою дышетъ:
Никто поцалуя-огня не услышетъ....

II.

ИЗЪ ТОЙ-ЖЕ НОЧИ.

Та-же хижина.

СПЯЩАЯ ДѢВУШКА. ЮНОША. ДЕМОНЪ.

ЮНОША. *(входя).*

Ты спишь-ли?

ДѢВУШКА. *(пробуждаясь).*

Кто здѣсь?...

ЮНОША.

Я....

ДѢВУШКА. *(вскакивая).*

О, Боже!

Зачѣмъ, скажи.... такой порой?...
Пожаръ, иль трусъ... скажи!...ахъ! что-же
Грозитъ намъ наглою бѣдой??..

ЮНОША.

Нѣтъ, я пришелъ....

ДѢВУШКА.

Зачѣмъ? кчему?..

ЮНОША.

Предаться счастью моему,
Въ твоемъ объятьи утонуть,
Въ небесную умчаться духомъ сѣнь,
Пока предательски не за сіяетъ день.
(Демонъ въ углу киваетъ одобрительно головою).

Да, въ небо улетѣть съ тобой,
Насытить страстныя желанья,
На персяхъ жаркихъ, мигъ хоть, отдохнуть
Отъ безустаннаго страданья.—
Крови ты слышишь клокотанье?
Ты слышишь дикій сердца бой?
Ты очи впалыя узнала?—
Все-бъ это разомъ миновало,
Когда-бъ хотѣла ты однимъ,
Однимъ объятіемъ своимъ,
Иль поцалуемъ огневымъ
Спасти отъ бурнаго недуга
Тобой терзаемаго друга....

За страсть доселѣ были мнѣ
Наградой слезы лишь однѣ!!

ДѢВУШКА.

Зачѣмъ блаженствовать мѣшалъ ты мнѣ?
Я такъ плѣнительно уснула,
Небесное мнѣ что-то грѣзилось во снѣ,
Прекрасное мнѣ что-то снилось
И.... ахъ! зачѣмъ я пробудилась,
Зачѣмъ видѣніе минуло?—
Какой небесный сонъ!... Отецъ
И мать и ты—мы были вмѣстѣ,
Ты сладко называлъ меня невѣстой;
Съ златыми, пышными кудрями
Какой то Ангелъ отверзалъ надъ нами
Небесъ лазуревый вѣнецъ;
И въ томъ вѣнцѣ такой былъ свѣтъ, такая радость,
И будто длилась вѣкъ видѣнья сладость,
Какъ будто вѣкъ слился въ одно мгновенье,
Какъ-бы двѣ жизни были. Наслажденье
Зачѣмъ прервалъ ты мнѣ слезами?—
Теперь мое такъ сердце ноетъ....
Но мы помолимся: Богъ сжалится надъ нами
И муки сердца успокоитъ.

ЮНОША.

Но и тебѣ велѣлъ пещися надо мной Онъ:
Я лютыхъ мукъ, я ада полонъ!
Ты слышишь, какъ онъ въ сердцѣ воетъ?

ДѢВУШКА.

Не слышу, нѣтъ! — я вижу Ангеловъ черты!
Какъ будто въ небѣ я доселѣ....
Тебя видала, но во снѣ былъ ты
Совсѣмъ инымъ; ты былъ дитя отъ колыбели,
Невиненъ, какъ дитя; не пѣнились въ крови
Такія страсти; мигъ назадъ
Въ душѣ твоей пылалъ огонь любви,
Не бунтовалъ свирѣпый адъ....
Но станемъ, какъ женихъ съ невѣстой,
Мы на колѣни предъ иконой
И станемъ къ Выспреннему Трону
Въ молитвахъ возноситься вмѣстѣ.

ЮНОША.

Нѣтъ, нехочу молитвъ, дѣвица!
Молился я давно, когда не зналъ любить,
Пока не испыталъ любви терзаній.
До той поры не стану я молиться,

Покуда небо наградитъ
Моихъ мучительныхъ страданій
Твоимъ лобзаньемъ не захочетъ....
Надъ святостью его душа хохочетъ....
Тогда-жъ.... я помолюся съ жаромъ,
Просить ужъ не хочу: всѣ просьбы гибнутъ даромъ,
Благодарить-же мнѣ за что?....

ДѢВУШКА.

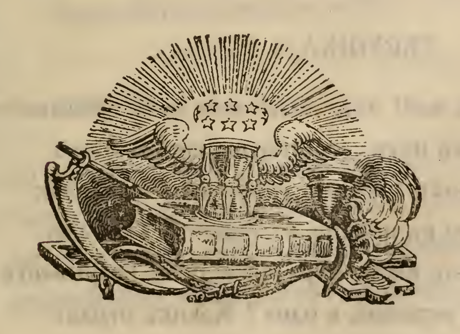
Святая Мать!
Подай безумцу изцѣленье!
Безбожникъ! изувѣръ!— А наслажденье
И здравіемъ и жизнью? А любви
Взаимной сладость?— И роптать
Тебѣ-ль, безумцу, на святое
И всеблагое Провидѣнье??
Ты ослѣпленъ безумства страстью
И на чело свое младое
Проклятья неба не зови!
Ты подвергался-ли когда несчастью?
Была-ль пора, когда ты слезы лилъ?
Зачѣмъ-же, богохульца, вѣру
И совѣсть ты на этотъ разъ забылъ?
Зачто-жъ безумныя ты смѣешь пѣни
На благость неба возносить?
И неужель Творцу благодарить

Еще за что петъ изуверу??...
Молчи-жъ, безумный, на колени!....

. . . .

Зачѣмъ будилъ меня?—Мой сонъ былъ—упоенье,
За то существенность ужасна....
Ты такъ мнѣ сердце остудилъ,
Такъ опечалилъ и вселилъ
Такое грустное сомнѣнье,
Что я тревожусь о себѣ,
О нашей будущей судьбѣ
И о твоемъ спасеньи....

Молись-же, или прочь отсюда,
Послушай совѣсти неспящей зовъ,
Проси Заступницы Небесной отъ грѣховъ,
Съ слезами изцѣленья чуда,
Моли врачующаго духъ сосуда,
За мною говори: *подъ Твой Покровъ!*
(становятся на колѣни)

III.

ИЗЪ ТРЕТЬЕЙ НОЧИ.

Та-же хижина.

СТАРУХА. ДѢВУШКА.

СТАРУХА.

Такъ, такъ, дитя мое! отри ты слезы эти!
Крушится каждый, кто живетъ на свѣтѣ;
Но каждый горести свои переживаетъ.

ДѢВУШКА *(со слезами)*.

О, мать моя! ахъ, мать! тебя дочь призываетъ!
Тебя ужъ нѣтъ .... Отецъ и мать и братъ,
Въ слезахъ зову изъ гробу васъ напрасно:
Придите въ помощь къ сиротѣ! Страдаю
Одна безъ васъ; страданье душу разрываетъ.
Зачѣмъ осталась я одна? Какихъ отрадъ

Еще мнѣ въ свѣтѣ ждать, несчастной??
Ахъ! немогу теперь поднесть очей,
Предмѣтъ знакомый взору встрѣтить,
Чтобъ не проснулись въ памяти моей
Счастливыя младенческія лѣта,
Что въ этой хижинѣ съ родными проводила ...
Изъ глазъ моихъ рѣкою слезы льются:
Вернулись слезы, но родные не вернутся.—
Не даетъ мнѣ ими тѣшиться могила....

СТАРУХА. *(перебирая четки).*

Нѣтъ, не грѣши, дитя! Господь высоко!
Онъ вѣдаетъ, кому восторгъ, кому утраты
Послать съ небесъ. Его святое око
Глядитъ равно въ избу, въ гнѣздо, въ палаты;
А знать почемъ?—Быть можетъ карой Бога
Такъ нагло ихъ пресѣклись дни:
Твои родные—люди; преступленій много—
Могли быть грѣшными они!

ДѢВУШКА *(вскакивая).*

Кто, кто грѣшны? они?—Ужель отецъ,
Что не далъ отдохнуть рабочей длани,
Что дни преклонные труднѣйшей посвящалъ работѣ
И къ поздной ночи возвращался наконецъ,

Питать дѣтей кускомъ, добытымъ въ кровномъ потѣ,
И мигъ почить, покуда пѣтелъ ранній
Опять не позоветъ платить трудамъ вседневнымъ дани?
Иль мать, которой въ жизни гнѣвъ не смѣлъ
Уста позорнымъ осквернить навѣтомъ?
Та, что жила, какъ Ангеламъ Господь велѣлъ,
Что для дѣтей не пожалѣла-бъ жизни этой,
Что первая учила насъ молиться Богу??....
О мать! ахъ, мать моя! хоть разъ взгляни
На слезы сироты изъ горняго чертога!—

Нѣтъ! ты безгрѣшна, умерла святою,
Въ страданьяхъ и слезахъ твои промчались дни,
Въ слезахъ лежишь ты подъ сырой землю....

О! если небомъ насладиться
Тебѣ, высокая, святая
Душа за гробомъ не дано,
То нѣтъ за гробомъ во-всѣ рая,
И неба нѣтъ: въ немъ адъ гнѣздится—
Одно другимъ истреблено!—

СТАРУХА.

Опомнись! страхъ беретъ отъ адскихъ словъ!
Не самъ-ли бѣсъ тебя къ погибели ведетъ?
Но кто изъ насъ, подумай, предстаетъ
Предъ Бога чистый, безъ грѣховъ?

Мы всѣ грѣшны, всѣ на грѣхи мы падки,
Одинъ грѣшитъ открыто, тотъ въ секретѣ,
И тотъ-лишь праведнымъ слыветъ на свѣтѣ,
Кто можетъ согрѣшить украдкой.

Послушай, чтобъ развлечь тѣбя, дѣвица,
(Ничто теперь не помѣшаетъ намъ)
Скажу изъ опыту. Не разъ случится
Тебѣ самой увидѣть, что грѣхамъ
Вездѣ свободный приступъ данъ,
А добродѣтели прямой нѣтъ мѣста.
Пока ты молода, передъ тобою свѣтъ
Разубраный блеститъ, какъ юная невѣста,
Одѣтъ весь розами; когда-жъ
Съ лѣтами пролетитъ и молодая блажь
И мудрость голову сѣдую посѣтитъ,
Тогда уже, повѣрь, мой свѣтъ....

ДѢВУШКА *(живо)*.

И неужель въ томъ мудрость состоитъ,
Чтобъ вѣру пережить въ добро, вѣкъ лицемѣрить,
И научить людей въ него невѣрить?
И это мудрость на землѣ?—о нѣтъ!
Я презираю мудростью твоей,
Я не хочу обманывать себя, людей!—
Ахъ! не такой меня учила мудрости ты, мать:
Велѣла всѣхъ отъ сердца обожать,

Велѣла Господа за все благодарить,
Работать долго, рѣжѣ веселиться,
Избыткомъ пренебречь, страданія сносить
И съ бѣднымъ горестью и хлѣбомъ подѣлиться.

СТАРУХА.

Да! хорошо такъ разсуждать лишь, а совсѣмъ
Въ дѣлахъ не то выходитъ на-повѣрку:
На-видъ оно и мудро; между-тѣмъ
Наружной для людей лишь служитъ только мѣркой.
Не всѣ-жъ, что такъ разумно разсуждаютъ,
Творятъ все доброе; а кто захочетъ—
Имъ, какъ глупцомъ пренебрегаютъ
И свѣтъ въ глаза ему хохочетъ.
Богъ далъ намъ жизнь, чтобъ ею наслаждаться,
И свѣту цѣлому велѣлъ къ услугамъ нашимъ быть;
А время такъ улётно; но когда разстаться
Придетъ намъ съ жизнью череда,
Скажи, мы всилахъ-ли тогда
Для наслажденія продлить
Еще ее хоть на мгновенье?—

А мать твоя права, что всѣхъ любить
Тебя отъ дѣтства приучила,
Но можешь-ли ты встрѣтить наслажденья,
Когда еще ты *не любила?*

ДѢВУШКА.

Нѣтъ, я люблю весь свѣтъ: людей,
Древа, каменья, птицъ, звѣрей
Луга, металлы,
Воды, скалы,
Люблю я всѣхъ; но кто-жъ такой,
Къ кому-бъ я ненависть питала?

СТАРУХА. *(улыбаясь)*

И въ этомъ вся твоя любовь!

ДѢВУШКА.

Еще-жъ какой?..

СТАРУХА.

Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое, не эта
Любовь даруетъ счастье свѣта!
Какъ вижу, слишкомъ ты еще бѣдна
На истую любовь.

ДѢВУШКА.

Ахъ! знаю
О чемъ сказать ты хочешь! Нѣтъ дана
И мнѣ любовь такая, не скрываю:
Есть юноша и я его
Люблю возвышенѣй всего;
Отъ самой колыбели
Взаимной страстью мы горѣли,
Минуты счастья, горечь слезъ
Онъ дружно вмѣстѣ перенесъ,—
Все дружно раздѣлялъ со мною;
И, если Богъ позволитъ,
Раздѣлитъ и теперь остатки смутной доли,
Пока за гробовой доскою
Сойдемся всѣ на общемъ пирѣ.

СТАРУХА.

Такое счастіе себѣ ты прочишь въ мірѣ?
Не много-жъ счастія тебѣ на свѣтѣ ждать!
Не много радостей, когда одинъ и тотъ-же
Насъ будетъ спутникъ провожать
Въ житейскомъ бездорожьи!
Одинъ!—О, слишкомъ мало одного!—
Примѣры ложные пускай тебя не обольщаютъ:

Одинъ лишь сдержитъ клятву полюбя,
А сотни нарушаютъ.

ДѢВУШКА.

Ахъ, нѣтъ! словамъ твоимъ неймется вѣры!
Ужели не навѣкъ любить возможно?
Ужели станетъ силъ любить и перестать?
Любить на видъ, поклясться ложно,
Въ душѣ одинъ обманъ скрывать,—
Скажи, встрѣчала-ль ты тому примѣры??....

СТАРУХА.

Твой образъ мыслей не дивитъ меня, моя ты крошка,
Такъ чудно ты всему дивишься;
Постой, придетъ пора, со мною согласишься,
Что свѣту для тебя теперь, не большѣ какъ въ окошкѣ
(послѣ минутнаго молчанія).

Хотѣлось-бы еще поговорить
Кое-о-чемъ, пока сонъ склѣитъ очи;
Да большѣ ужъ прошло пол-ночи;
На завтра можемъ отложить.—

ДѢВУШКА.

Нѣтъ, нѣтъ! я слушаю тебя. Мой Боже!
Зачѣмъ-же мать со мной бесѣдовать не можетъ??

СТАРУХА.

Насъ съ матерью твоей родное чувство слило,
Мы дружны были межь-собою,
Ничто насъ въ мірѣ не дѣлило,
Взрасли подъ кровлею одною;
Вблизи потомъ были жилища,
И кости наши подъ одной доскою
Сойдутся на одномъ кладбищѣ.
Какъ двѣ сестры всегда мы жили,
Въ одинъ ручей ходили за водою,
Одни срывали тамъ цвѣты,
Одни вѣнки изъ нихъ мы вили,
И наконецъ—чего не ждала ты—
Мы одного любили. . .

Красавецъ былъ у насъ сосѣдъ:
Какъ этотъ птенчикъ перелетный,
Игривъ и веселъ беззаботный!
Однихъ почти былъ съ нами лѣтъ;
Какъ будто радости всегда
Одни его здѣсь ожидали,
Какъ-будто горя и печали
Онъ не увидитъ никогда;
Ну, словомъ, будто здѣсь его
Одни лишь ждали наслажденья.

Гдѣ-жъ добродѣтель?— Чрезъ него
Мы въ тяжкій грѣхъ дѣвицы впали....
Онъ насъ довелъ до преступленья....
Гдѣ-жъ добродѣтель?....

ДѢВУШКА.

Не кончай!
Ахъ! ради Бога, замолчи, не оскорбляй
Священной памяти моей родной!!
Не слушаю тебя.

СТАРУХА.

Повѣрь,
Все это правда! Богъ свидѣтель,
Порука совѣсти живой!
И гдѣ-жъ теперь
Твоя святая добродѣтель?
Тотъ глупъ, кто презираетъ свѣтомъ,
Кто младостью не хочетъ насладиться:
Смѣшно на свѣтѣ жить анахоретомъ
И въ немъ, какъ въ кельи заключиться.

ДѢВУШКА.

Ахъ, сжалься-жъ, перестань, сверхъ слабой силы
Твои слова! не говори со мной!

Едва успѣла лишь слезой
Облить я матери могилу,
Какъ ты ужъ чорной клеветой
Ея святую память оскорбила....
Довольно ужъ, не вѣрю! Святость ту,
Что я въ поступкахъ и словахъ
Моей родимой примѣчала
И ту дѣвичью чистоту,
Что съ молокомъ ея всосала,
Такою-жъ возвращу ей въ небесахъ!
И пусть умру одна, въ несчастьи,
Пускай безъ хлѣба и безъ крова вѣкъ проплачу
Но ужъ себя не погублю:
Цѣной позорною я счастья,
Повѣрь, старуха, не куплю.

СТАРУХА.

Дитя, дитя.... *(про себя)* упрямое, пустое,
Черезъ тебя такъ много трачу;
Пропало это время золотое
И новые притомъ года въ придачу:
Не получить мнѣ награжденья!
Но нѣтъ, вооружусь терпѣньемъ—
Придетъ соблазну череда:
И камень просверлитъ вода
Непрерываемымъ паденьемъ.
(вслухъ)

Какъ хочешь поступай, мой свѣтъ;
Но что сказала я теперь,
Ты можешь брать за образецъ, иль нѣтъ,—
Твоя тутъ воля; но примѣръ
Тому ты встрѣтишь не одинъ.
Однако-жъ, согласись со мною въ томъ,
Что всякій полный властелинъ
Себѣ и можетъ жить своимъ умомъ:
Тебѣ проплакать, изстрадать
Вольно свой цѣлый вѣкъ,
Другой себѣ избралъ утѣхи въ долю,
Ты можешь добровольно умереть
Отъ голоду, хотя достать
Легко насущный можешь. Человѣкъ
На толь имѣетъ разумъ, волю,
Чтобъ мучить вѣкъ себя и вѣкъ терпѣть?

ДѢВУШКА.

Но разумъ нашъ не въ сердцѣ-ль затаенъ?
Не сердце-ль счастье и бѣду вѣщуетъ?
Не сердце-ль, тамъ, гдѣ мысли доступъ загражденъ
Предчувствіемъ намъ путь надежный указуетъ?
Не сердце-ли, при первомъ съ кѣмъ свиданьи
Намъ шепчетъ, знаться, или нѣтъ
Съ знакомцемъ новымъ? — Предсказанье
Его всегда правдиво.

СТАРУХА.

Такъ, мой свѣтъ,
Должны мы съ сердцемъ соглашаться,
Цѣнить желанія его —
И глупо было-бъ имъ сопротивляться;
Но что-же сердце говоритъ
Когда полюбитъ?

ДѢВУШКА.

Мнѣ велитъ
Оно знать только одного,
Устроить счастіе его
И, добродѣтели дорогой,
Вести съ собой въ обитель Бога.

СТАРУХА.

Но вѣчно-ль сердце любитъ одного?—
Сперва любви нѣтъ мѣры, нѣтъ границы,
Мы свято чтимъ ея приходъ,
Спѣшимъ любовью насладиться,
И любимъ пламенно; потомъ,
Какъ пресыщеніе пройдетъ,
Любовь намъ станетъ пошлой становиться—

Иного наслажденья ждемъ.
Одинъ восходъ, иное захожденье
Свѣтила дня. Ужели Провидѣнье
На то дало намъ красоту и младость,
Чтобъ имъ былъ только лишь одинъ
Всегдашній полный властелинъ
И пилъ одинъ ихъ сладость??—

Чтожъ сдѣлаешь съ любовникомъ своимъ?

ДѢВУШКА.

Я обвѣнчаюсь съ нимъ.

СТАРУХА.

И навсегда себя погубишь.

ДѢВУШКА.

Какъ?
Ужели счастье погубитъ меня?

СТАРУХА.

Большое счастье—нищій бракъ!
Онъ—бѣденъ, ты—бѣдна;
Любить его ты можешь; но дожна
Упрочить будущность. И такъ,

Послушай, согласись со мной:
Богатаго ты будь женой,
А бѣднаго .... любовницей ....

ДѢВУШКА.

Кто? я?—
Или шутить ты надо мною,
Или испытывать пришла меня?
Ужель предательской цѣною
Я за любовь платить должна?
Ужель за бѣдность преступленью
Должна быть жизнь моя обречена??

СТАРУХА

Пустыя рѣчи! брось сомнѣнье!
Любовь вѣдь не порокъ; и твой навѣтъ,
Дитя мое,
Напрасенъ на нее:
Она тебѣ блаженство подаритъ.

ДѢВУШКА.

Но если предъ Творцомъ обѣтъ....

СТАРУХА.

О! Богъ, повѣрь, не обратитъ
На всѣ ребячества твои вниманья.

Скажи-жъ мнѣ: преступленье-ль это,
Дозволить сердцу полюбить,
Когда любовь—одно его желанье?
И что-жъ худаго, посвятить
Замужству дѣвственныя лѣта,
Когда богатствомъ устранить
Ты можешь бѣдности терзанья?
О! еслибъ всилахъ были возвратиться
Мои бывалые года,
Повѣрь, я знала-бы тогда
Какъ новой жизнью насладиться!
Была пора—то правда—и меня
Когда-то совѣсть укоряла;
Но послѣ разумъ посѣтилъ и я
Укора вздорнаго уже не знала!
Такъ! такъ, повѣрь ужъ мнѣ, мой свѣтъ!
Въ убыткѣ тотъ всегда бываетъ,
Кто сердцемъ поданый совѣтъ
Пустымъ упорствомъ отвергаетъ
И къ „добродѣтели святой“

Довѣрье дѣтское питаетъ,
Не разсуждая, что она—
Одинъ безсмысленый лишь звукъ пустой,
Причуда, вымыслъ, лишь одна
Пустая грѣза сновидѣнья,
Что каждый розно понимаетъ
Ея пустое назначенье:
Богатый—златомъ высказать стремится,
Гигантской силой-исполинъ,
Кровавой славой-палладинъ,
Упрямствомъ-глупая дѣвица;
Упрямство-же — не добродѣтель, другъ:
Въ одномъ лишь счастіи она таится;
Кто-жъ счастье пріобрѣлъ, кчему,
Отчеты отдавать ему,
Какой цѣной купилъ свое онъ счастье:
Убійствомъ, златомъ иль упоромъ,
Молитвами иль взрывомъ буйной страсти,
Иль вѣчнымъ совѣсти укоромъ?
Кому какое дѣло? какъ-бы смѣли
Спросить его объ этомъ?— Всѣ желанья
Его сбылись, своей достигъ онъ цѣли
И тѣшится своимъ, счастливецъ достояньемъ

О! много я святошей знаю, много,
Что при людяхъ возносятъ въ каждомъ словѣ
Одно добро и угожденье Богу,

И добрымъ воздаютъ вѣнокъ лавровый,
А сами въ-тихо-молку, всторонѣ,
Когда за ними глазъ чужой не наблюдаетъ,
Творятъ позорныя дѣла
И туже добродѣтель проклинаютъ.
Теперь я догадалась, ясно мнѣ
Что ты предприняла.

ДѢВУШКА.

Ты догадалась? — Въ чемъ догадка?

СТАРУХА.

О! знаю, другъ мой, и загадка
Сама собою объяснилась:
Ты выйдешь замужъ, чтобъ кружилась
Толпа красавцевъ предъ тобой,
Чтобъ радость навѣвалъ живой
И обольстительный ихъ рой,
Чтобъ утопала въ пресыщеньи,
Чтобъ тѣни горя ты не знала,
Чтобъ юность сладкою струей
Въ роскошной нѣгѣ протекала,
И, средь плѣнительныхъ мгновеній,
Года мелькали наслажденій.
Когда-жъ грѣховный чадъ пройдетъ,

Ты вспомнишь о спасеньи:
Стара ты будешь—
Всѣ забавы,
Весь блескъ преступной свѣтской славы
Въ святыхъ молитвахъ позабудешь;
Для новой жизни станешь подвизаться;
Когда-жъ придетъ пора съ землей разстаться,
Убытку отъ земли не понесешь,
И небо въ прибыли пріобретешь.

ДѢВУШКА. *(вскакивая)*

Прощай, сосѣдка, Богъ съ тобою!

СТАРУХА. *(сидя).*

Нѣтъ, я останусь при тебѣ;
Уснемъ подъ кровлею одною.

ДѢВУШКА.

Не лучше-ль, старая, къ себѣ
Идти на отдыхъ?

СТАРУХА.

Нѣтъ!
Въ такую ночь тебя одну,
Пока не заблеститъ разсвѣтъ

Не кину здѣсь. Ты спи, я не засну:
Ты такъ невинна, молода,
Случится не-равно бѣда—
Пожаръ, убійца, призракъ, тать....
Напрасно будешь призывать
Сосѣдей въ помощь: всѣ уснутъ;
Злодѣевъ-же такъ много, такъ и ждутъ
Погибели людской.

ДѢВУШКА.

Десница Божья надо мной:
Она меня отъ злого сохранитъ.

СТАРУХА.

Но все-жъ пріятнѣй, чѣмъ одной.
Иль робость душу не мутитъ?
Здѣсь все родныхъ напоминаетъ:
Отца и мать. Здѣсь поминутно предъ тобой
Во всемъ ихъ образъ оживаетъ,—
Отсель ихъ вынесли теперь лишь гробы....

ДѢВУШКА.

Скажи-жъ, бояться мнѣ чего?

СТАРУХА.

Ого!
Чего не вымыслитъ проклятыхъ злоба?
Упырь иль демонъ....

ДѢВУШКА.

Крестъ святой
На бѣса есть; а упырей
Нѣтъ вовсѣ; но прощай! Судьбой
Ты занялась моей напрасно:
Зачѣмъ подкрадется злодѣй
Къ убогой хижинѣ моей?—
Когда-же къ сиротѣ несчастной
Родныя души низлетятъ,
Я ихъ съ восторгомъ обниму
И сердцемъ алчущимъ приму:
Не ужасъ мнѣ онѣ—но счастье подарятъ.
Прощай.

СТАРУХА.

Но если демонъ....

ДѢВУШКА.

Не боюсь,
Бѣсовской силы. Но прощай,
Иди, старуха, на покой:

Напрасно словъ не расточай.

(старуха уходитъ).

Ахъ! прахомъ матери клянусь,
Еще встрѣчаться не случалось
Съ такой мнѣ чорною душой,
И, Боже Вышнихъ Силъ, подай,
Чтобъ и впередъ съ ней не встрѣчалась!

О, злая грѣшница!— Вотъ утѣшенье
Какое въ душу пролила:
Подъ маской дружбы и смиренья
Отравы страшной принесла!—

Чтобъ добродѣтель я святую
Взамѣнъ богатства отдала
И душу въ страшное повергла преступленье??
О нѣтъ!!—
Ахъ, мать! съ небесной высоты
Храни меня на этомъ чорномъ свѣтѣ ты!!

IV.

ИЗЪ ПЯТОЙ НОЧИ.

ПѢСНЬ
ТРЕФОВОЙ ДАМЫ.

О, юноша милый, хотя на мгновенье
Зайди въ мой дѣвичій покой:
Здѣсь встрѣтишь, красавецъ, одно наслажденье
На перси моей огневой.

Зайди-же, мой милый: уста ожиданьемъ
И жаждою нѣги горятъ;
Кровь въ сердцѣ пылаетъ огнистымъ желаньемъ
И страсти-злодѣйки кипятъ.

Приди-же, здѣсь встрѣтишь лобзаній ты рѣки,
Въ объятьяхъ найдешь ты весь свѣтъ;
Въ минутахъ—блаженства скрываются вѣки,
Мгновенья-жъ—протяжнѣе лѣтъ.

О милый, вернися, все тихо спокойно,
Мы сядемъ съ тобою подъ тѣнь,
Гдѣ липы, развѣсясь, колышутся стройно—
Тамъ ночь проведемъ мы и день.

Въ день долгій склонюсь я къ тебѣ головою
И взглядомъ вопьюсь, какъ вампиръ;
Душа тутъ съ твоею сольется душою—
Въ блаженствѣ забудемъ весь міръ.

А ночью, когда обольетъ насъ росистой
Слезою дыханье весны,
Въ объятіяхъ страстныхъ, лобзаньяхъ огнистыхъ
Уснемъ мы.—Волшебные сны!!—

И тотъ поцалуй, что въ роскошномъ томленьи
Вчера перервали мы сномъ,
На-утро съ такимъ-же опять наслажденьемъ
Докончимъ съ плѣнительнымъ днемъ.

(съ польскаго)

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВЫХЪ ОПЫТОВЪ.

